

DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-164-226

УДК 93/94

ПАМЯТЬ РЕГИОНОВ ИЛИ РЕГИОНЫ ПАМЯТИ: КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В центре предлагаемой дискуссии лежит проблема коллективной памяти и ее использования в формировании российской региональной политики. Исходя из концепции Пьера Нора, а также ученых, рефлектирующих по поводу этой исследовательской рамки, таких как Т. Джадт, А. Миллер, В. Шнирельман и др., авторы рубрики рассматривают формирование региональной памяти на примере регионов современной России, полагая складывание мемориальных представлений как процесс, в котором задействованы разные социальные/политические/культурные группы, разделяющий идентичности разного уровня.

Используя дискурсивный анализ наряду с другими приемами исследования коллективной памяти, обращаясь к нарративам разного вида: публицистическим, художественным, официальным, — авторы статей, представленных в дискуссии, рассматривают региональную политику памяти в качестве развивающейся практики, характер и формы которой обусловлены политической ситуацией в регионе и на макроуровне. Одновременно авторы материалов демонстрируют эклектический характер синтеза коммемораций разных периодов отечественной истории.

Авторы дискуссии предпринимают также теоретическую интервенцию, направленную на то, чтобы проследить статус самих *memory studies*, приверженцы которых в условиях междисциплинарного синтеза делают попытки определить место исследований памяти в системе дисциплин об обществе. При этом они обращаются к наименее изученным сторонам *memory studies*, таким как «молчание памяти», дискурсивные практики в изучении коллективной памяти, роль маргинализированных групп, например иммигрантов, в формировании мемориальных нарративов. В дискуссии, таким образом, делается попытка осмысления соотношения региональной и национальной политики памяти, что открывает новые возможности как для региональных исследований, так и для изучения политики памяти.

Ключевые слова: коллективная память, региональная политика, политика памяти, коммеморации, *memory studies*, национальная политика памяти.

Вопросы дискуссии:

1. Как связаны региональные исследования в их разных формах, включая, например, краеведение, и изучение коллективной памяти? Какова роль региональной перспективы в развитии *memory studies*?
2. Каковы темпоральные ситуации, их разновидности и влияние на политику памяти в регионах Советского Союза/России на протяжении второй половины XX–начала XXI в.?
3. Кто является акторами региональной политики памяти? В чем их отличие, если таковое вообще существует, от акторов национального уровня политики памяти?
4. Какова роль колониального центризма в формировании мемориальных нарративов в регионах современной России?
5. Как соотносятся региональная и национальная памяти и каковы возможности «транслокальности» в исследовании мемориальных нарративов?

Участники дискуссии:

Аникин Даниил Александрович, кандидат философских наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского; доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ; доцент, Липецкий государственный технический университет.

Овчинников Александр Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ; доцент, Казанский государственный энергетический университет.

Павловская Анастасия Юрьевна, исследователь, Центр изучения эго-документов «Прожито»; Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт изучения обороны и блокады Ленинграда, Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда.

Павловский Алексей Федорович, исследователь, Центр изучения культурной памяти и символической политики; Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Цитирование: Аникин Д.А., Линченко А.А., Овчинников А.В., Павловская А.Ю., Павловский А.Ф. Память регионов или регионы памяти: коллективная память в региональном измерении современной России // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 2. С. 164–226. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-164-226 / Anikin D.A., Linchenko A.A., Ovchinnikov A.V., Pavlovskaya A.Yu., Pavlovskii A.F. Memory of a Region or Region of Memory: Collective Memory in the Regional Dimension of Contemporary Russia, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 2. Pp. 164–226. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-164-226.

© Аникин Д.А., Линченко А.А., Овчинников А.В., Павловская А.Ю., Павловский А.Ф., 2023

MEMORY OF A REGION OR REGION OF MEMORY: COLLECTIVE MEMORY IN THE REGIONAL DIMENSION OF CONTEMPORARY RUSSIA

Abstract. The proposed discussion focuses on the issue of collective memory and its utilisation in the shaping of Russian regional policy. Following the ideas of Pierre Nora, as well as those who reflects on his research framework, such as Tony Judt, Alexey Miller, Vladimir Shnirelman and others, the authors of the rubric consider the shaping of regional memory basing on the examples of various regions of contemporary Russia, assuming the folding of memorial representations as a process in which different social/political/cultural groups and actors are involved, sharing identities of different levels. Using discursive analysis along with other methods of studying collective memory, referring to narratives of various types – journalistic, artistic, official – the authors of the articles presented in the discussion consider the regional politics of memory as a developing practice, which nature, mechanisms and forms are determined by the political situation in the regions and at the macro-level. At the same time, the authors of the materials demonstrate the eclectic nature of the synthesis of commemorations of different periods of Russian history.

The authors of the discussion also undertake a theoretical intervention aimed to trace the status of the memory studies themselves, whose adherents, in the context of an interdisciplinary synthesis, make attempts to determine the place of memory studies in the system of disciplines about society. At the same time, they turn to the most neglected aspects of memory studies such as the “silence of memory”, discursive practices in the study of collective memory, the role of marginalized groups, such as immigrants, in the shaping of memorial narratives. In the discussion, therefore, an attempt is made to comprehend the relationship between regional and national politics of memory that opens up new opportunities for both regional studies and the study of the politics of memory itself.

Keywords: collective memory, regional policy, memory policy, commemorations, memory studies, national memory policy.

Discussion questions:

1. How are regional studies in their various forms, including, for example, local history studies, and the study of collective memory connected? What is the role of the regional perspective in the development of memory studies?
2. What are the temporal situations, their varieties and influence on the politics of memory in the regions of the Soviet Union/Russia during the second half of the 20th–early 21st century?
3. Who are the actors of the regional politics of memory? What is their difference, if any, from the actors of a national level of memory politics?
4. What is the role of colonial centrism in the formation of memorial narratives in the regions of modern Russia?
5. How do regional and national memories relate, and what are the opportunities of “trans-locality” in the memory studies?

Discussants:

Anikin Daniil A., Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Saratov State University; Associate Professor, Moscow State University.

Linchenko Andrei A., Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation; Associate Professor, Lipetsk State Technical University.

Ovchinnikov Alexander V., Candidate of Science (History), Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation; Associate Professor, Kazan State Power Engineering University.

Pavlovskaiia Anastasiia Yu., Researcher, “Prozhito” Center for the Study of Ego-Documents; European University at St. Petersburg; Institute for the Study of the Siege and Defense of Leningrad, State Memorial Museum of the Siege and Defense of Leningrad.

Pavlovskii Aleksei F., Researcher, Center for the Study of Cultural Memory and Symbolic Politics, European University at St. Petersburg.

DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-168-177

УДК 323.21+94(470)

ПАМЯТЬ РЕГИОНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ И ОСМЫСЛЕНИЯ¹

Аникин Даниил Александрович

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия;
Московский государственный университет,
Москва, Россия
dandee@list.ru

Аннотация. Статья посвящена методологическим аспектам изучения региональной памяти в контексте современных трансформаций *memory studies*. Обсуждается проблема выделения регионов и определения их границ, необходимость разграничения региональной политики памяти и региональной памяти как различных предметов исследования, требующих собственного инструментария. В качестве отдельного вопроса рассматривается наличие различных темпоральных режимов в функционировании региональной памяти, что заставляет воспринимать каждый регион как дискретную совокупность локальных мемориальных практик.

Ключевые слова: регион, локальная память, политика памяти, режим темпоральности, краеведение, место памяти.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

MEMORY OF THE REGION IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS OF MAPPING AND COMPREHENSION

Anikin Daniil A.

Saratov State University,
Saratov, Russia;
Moscow State University,
Moscow, Russia
dandee@list.ru

Abstract. The article focuses on the methodological aspects of studying regional memory in the context of modern memory studies transformations. The problem of highlighting regions and determining their boundaries, the need to distinguish between regional memory policy and regional memory as various research subjects requiring their own tools are discussed. As a separate issue, the presence of various temporal modes in the functioning of regional memory is considered, which forces each region to be perceived as a discrete set of local memorial practices.

Keywords: region, local memory, memory policy, temporality mode, local history, place of memory.

Цитирование: Аникин Д.А. Память региона в современной России: проблемы картографирования и осмысления // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 2. С. 168–177. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-168-177 / Anikin D.A. Memory of the Region in Modern Russia: Problems of Mapping and Comprehension, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 2. Pp. 168–177. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-168-177.

© Аникин Д.А., 2023

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Обращение к региональной памяти как отдельному пласту образов прошлого представляется вполне закономерным в контексте развития и предметного самоопределения *memory studies*. Речь при этом не идет об изменении самого предмета исследования, а, скорее, об уточнении внутренней структуры памяти, понимании сложности и нелинейности этого явления.

Первой предпосылкой возникновения данной проблематики следует считать работы П. Нора про «места памяти», которые поставили вопрос о распаде единого (в масштабах национального государства) пространства исторических представлений и выделении различных «локусов» прошлого, характеризующихся принципиальным несовпадением своих границ и ценностных оснований. Как утверждает сам Нора: «Места памяти — это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем» [Нора, 1999, с. 26]. Здесь следует сразу отметить две важных характеристики теории П. Нора по поводу локальных воспоминаний. Во-первых, само их возникновение связывается французским исследователем с процессами деконструкции национальной истории и ускорением социально-политических преобразований во второй половине XX в. Во-вторых, локальная память в его интерпретации совсем не равнозначна региональной, поскольку «места памяти» расположены не в географическом, а в ментальном пространстве, представляя собой разрозненные представления о прошлом, переставшие быть элементами единого исторического полотна, но при этом спорадически присутствующими в сознании каждого представителя распавшейся общности.

Один из критиков концепции «мест памяти» Т. Джадт отмечает, что подобная трактовка лишает места памяти их «социальной прописки», не позволяет анализировать контуры взаимодействия между локальными образами прошлого, поскольку игнорирует наличие за каждым из них определенного, пусть и динамично меняющегося сообщества, претендующего на сохранение, воспроизводство и трансляцию наиболее значимых для него воспоминаний. «Кто имеет право определять содержание и оформление музейной экспозиции, устанавливать мемориальную доску или знак, решать, какой смысл несет для потомков поле сражения? Эти стычки — всего лишь часть той борьбы, которую ведут в сфере культуры разные группы населения за свое самоопределение, свое самосознание — национальное, региональное, языковое, религиозное, расовое, этническое, половое» [Джадт, 2001, с. 48].

Более того, и возникают эти отдельные образы не в условиях распада единого пространства национальной истории, а в момент самоидентификации и самоопределения тех сообществ, которые являются их носителями. Вопрос только в том, что существовавшие политические и историографические рамки просто не позволяли этим образам получить возможность существования в публичном пространстве, но в условиях существенного ослабления эксклюзивного права государства на формирование исторической повестки и плюрализации информационного пространства

голос данных сообществ становится слышен, создавая иллюзию разрозненности, несогласованности и даже прямого противопоставления различных образов прошлого.

Субъектами представлений о прошлом оказываются различные сообщества, являющиеся, с одной стороны, носителями определенных воспоминаний, а с другой – получающие возможность сохранения и накопления подобных воспоминаний именно в силу проявляющейся коллективной идентичности. И фокус исследований исторической памяти справедливо смещается в сторону многообразия государственных и негосударственных акторов, которые выдвигают определенную историческую повестку, формируют мемориальные практики и при этом встраивают собственные исторические представления в более общие модели восприятия прошлого [Миллер, 2013].

Современное российское общество, несмотря на усиливающиеся с 2000-х гг. тенденции к централизации, в том числе и в сфере политики памяти, по-прежнему оказывается хранителем наследия эпохи «парада суверенитетов», когда каждый регион оказался поставлен перед возможностью выбора собственной локальной идентичности. Достаточно вспомнить хоть историю Уральской республики, рудиментарная память о которой продолжает существовать на территории современного Екатеринбурга и Свердловской области. Ослабление контроля со стороны федерального центра сделало возможным даже построение национальных мифологий, некоторые из которых (в республиках Северного Кавказа или в Поволжье) не только активно развиваются, но и превращаются в существенный фактор дестабилизации политической стабильности.

Указанные тенденции не являются исключительными особенностями Российской Федерации, поскольку демонстрируют общий постколониальный тренд на умножение локальных идентичностей, обладающих потенциально конфликтным характером. Но если подобная множественность на протяжении последних десятилетий становится существенной задачей для зарубежных авторов [Paasi, 2004; Irwin-Zarecka, 1994], то для современных российских исследований исторической памяти проблема региональной специфики является недостаточно отрефлексированной. Точнее говоря, количество исследований, посвященных специфике мемориальных практик того или иного региона (под регионом обычно понимается конкретный субъект Федерации), в последние годы неуклонно растет, но при этом вне сферы внимания исследователей остается вопрос о границах региональной памяти и ее внутренней структуре, соотношении федеральных трендов и локальных нарративов, посвященных различным аспектам исторического прошлого.

Отдельную терминологическую проблему создает многообразие дисциплин, которые претендуют на изучение отдельных регионов. Наиболее традиционной из них, оформившейся еще в контексте советской дисциплинарной матрицы науки, является краеведение. Но уже в постсоветское время возникает целый ряд научных дисциплин, претендующих на альтернативные методы и направления исследований,

например регионалистика и «новая локальная история», по поводу соотношения которых в литературе существуют различные точки зрения [Колесникова, Маловичко, 2004].

В частности, С.И. Маловичко считает: «Краеведение и научная история (к которой относится новая локальная история), это две разные историографические культуры с неодинаковым целеполаганием. Одна из них (краеведение) представлена социально ориентированным историописанием, другая — научно ориентированным» [Маловичко, Румянцева, 2011, с. 53]. Иначе говоря, регион может являться предметом исследования самых различных дисциплин, вопрос только в том, какую задачу они преследуют — аналитическую или популяризаторскую. В контексте предлагаемого различия краеведение превращается из определенной методологии исследования регионального прошлого в предмет изучения со стороны локальной истории, поскольку представители краеведческого сообщества — вольно или невольно — выступают соучастниками в процессе формирования определенной мемориальной повестки, служат акторами региональной политики памяти.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

В недавно вышедшей статье А.И. Миллер, О.Ю. Малинова и К.А. Пахалюк совершенно справедливо ставят вопрос о необходимости отказа от административного понимания самого понятия «регион». В самом деле, глупо было бы предполагать, что разлом между различными мемориальными дискурсами (даже если мы говорим про деятельность в сфере политики памяти местных администраций) проходит ровно по границе между расположенными поблизости деревнями Курской и Липецкой областей. Выход из данной ситуации видится авторами в формулировании своеобразной «матрешки», в которой два достаточно очевидных уровня анализа (федеральный уровень и микроуровень отдельных субъектов) дополняется мезоуровнем. «Мезомасштабирование отчасти преодолевает тотальную зависимость от официального административного деления — границы страны и субъектов Федерации при таком подходе, конечно, учитываются, но мы не определяем изучаемые кластеры, например, границами федеральных округов» [Малинова, Миллер, Пахалюк, 2022, с. 117].

Подобная «матрешка» может быть рабочей метафорой для выявления общей мемориальной повестки, выходящей за пределы конкретного региона, ярким примером чего является память казачества, не претендующая, с одной стороны, на федеральный тренд, а с другой — охватывающая целый ряд регионов, географически непосредственно не связанных друг с другом. При этом важно понимать, что ставить знак равенства между памятью казачества и памятью тех регионов, где можно наблюдать существование казачьих сообществ, разумеется, не приходится. Скорее, это сложная сетевая структура, представленная различными общественными акторами и полуформализованными сообществами, которая демонстрирует определенную географическую локализацию. Она может поддерживаться или не

поддерживаться другими локальными акторами в зависимости от политических или экономических предпочтений.

Само выстраивание подобного мезоуровня предстает в качестве полезного методологического конструкта, который создает общую рамку для исследования различных казачьих сообществ, но при этом, естественно, не исчерпывает возможности их изучения не только с точки зрения общей исторической повестки, но и с точки зрения вырабатываемых ими специфических практик обращения к прошлому. Иначе говоря, конструирование надрегиональной идентичности необходимо рассматривать с точки зрения соотношения политических устремлений отдельных акторов и готовности локальных сообществ к включению в новую структуру.

Другим проблемным моментом в изучении региональной памяти является вопрос о границах формальных и неформальных сообществ, выступающих мнемоническими акторами, что можно продемонстрировать на примере краеведения. Само понятие «краеведение» может рассматриваться как с предметной, так и с институциональной точки зрения.

С предметной точки зрения краеведами могут считаться все, кто в той или иной степени занимается изучением региона или его отдельных частей, что, с одной стороны, чрезмерно расширяет само понятие, а с другой — порождает вопросы относительно границ самого предмета. Иначе говоря, может ли считаться краеведом местный житель, который посвящает свою деятельность отдельному кварталу населенного пункта или даже дому? Насколько такой предмет исследования может соответствовать формальным требованиям краеведческой проблематики?

Другой подход к определению краеведения — институциональный — предполагает определенное противопоставление краеведов как представителей любительского знания профессиональному историческому сообществу. Но даже в данном случае возникают методологические трудности, поскольку на самом деле четко определить границы профессионального и любительского сообществ не представляется возможным, поскольку сообщество краеведов зачастую складывается не только из любителей истории родного края, но и из дипломированных историков, которые по разным причинам не включены в состав преподавательского или научного сообщества.

Следует уточнить, что политическая и общественная субъектность краеведческого сообщества под большим вопросом, поскольку чаще всего можно видеть ситуацию, когда отдельные представители краеведения привлекаются к участию в общественных советах при региональных органах власти. Однако это становится лишь способом легитимации не очень популярных решений по изменению локальной топонимики или пересмотру перечня памятников культуры. Вместе с тем большая часть краеведов активно участвует в формировании локальных мемориальных практик, организовывая платные экскурсии или лекции, то есть занимаясь производством и воспроизводством тех образов прошлого, в которых заинтересованы местные сообщества.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И РЕЖИМЫ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ

Отдельный вопрос в изучении региональной памяти заключается в выявлении ее темпоральной составляющей. Речь идет не только о том вполне закономерном явлении, что общий мемориальный ландшафт региона подвергается трансформациям, связанным как с изменением политической повестки, так и со сменой поколений, то есть возникают новые образы прошлого, а предшествующие подвергаются определенной селекции.

Более важным является применение к анализу региональных коммемораций понятий «режимы темпоральности» и «аллохронизм», используемых Б. Бевернажем. Аллохронизм становится важным компонентом выстраивания региональной политики памяти, поскольку задает определенную конкуренцию между локальными мемориальными практиками, отвергая некоторые из них за счет подчеркивания их несоответствия актуальному настоящему или, точнее говоря, их существованию в качестве несовершенных предшествующих форм настоящего. «Аллохронизм может быть эффективен, если только акцент на исторической не-современности Другого сочетается с утверждением на вид «бесспорной» референциальной исторической современности. Только с точки зрения такой референциальной современности можно говорить о пространственно-временном «отставании» или «опережении». [Бевернаж, 2016]. В рамках данного категориального ряда внимание исследователя акцентируется на неоднородности и неравномерности происходящих изменений, когда в рамках одного пространства могут сосуществовать различные пласты прошлого, что проявляется не только в чисто географическом аспекте, но и с точки зрения разнообразия локальных мемориальных практик.

Например, даже поверхностное изучение современного российского региона с точки зрения топонимики и монументальной культуры позволяет утверждать, что параллельно сосуществуют советские образы прошлого (памятники Ленину, наименование улиц и районов по фамилиям советских партийных лидеров), реконструкция дореволюционных образов (возвращение наименований географическим объектам, восстановление или установка новых памятников), а также отдельные локусы уже постсоветской мемориальной культуры. Логическое несоответствие этих временных пластов может становиться источником для мемориальных конфликтов, а может формировать в повседневном восприятии весьма эклектичный, но при этом непротиворечивый мемориальный ландшафт, особенно если отдельные элементы уже успели стать элементами локальных практик, напрямую не связанных или даже игнорирующих мемориальную подоплеку возникновения того или иного мемориального объекта.

Но вопрос изучения региональной памяти с точки зрения «режимов темпоральности» заключается не просто в подчеркивании разного времени создания тех или иных объектов мемориализации, поскольку это и так достаточно очевидно для профессионального исследователя. В фокус внимания здесь попадают не сами различия, а использование в региональном публичном дискурсе отсылок

к «несовременности» того или иного образа, его отсталости от референциальной современности.

Примером такого аллохронизма являются многочисленные дискуссии по поводу возвращения географическим пунктам исторических наименований, когда советский пласт прошлого выступает в качестве «отсталого прошлого», а вот дореволюционные наименования вписываются в актуальную повестку, что, в свою очередь, лишь позволяет поставить вопрос о специфичности самого понятия «современность» применительно к подобным дискуссиям. Еще более интересным аспектом аллохронизма становится ситуация, когда дискурсом исторической справедливости обосновывается не возвращение изначального наименования, а присваивание нового, но наиболее соответствующего, с точки зрения региональных чиновников, представлению о «правильном» историческом прошлом. Например, в 2021 г. в Саратове решением местных властей проспект С.М. Кирова был переименован в проспект П.А. Столыпина, при том что исторически он никогда не имел такого наименования, а до получения названия в честь советского политического деятеля именовался улицей Немецкой. Но активное использование на региональном уровне образа П.А. Столыпина как важного элемента локальной идентичности, прекрасно вписывающегося в федеральную повестку, позволило в данном случае пренебречь достоверностью ради дискурсивно формулируемого «правдоподобия».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ проблематики региональной памяти позволяет констатировать несколько существенных методологических трудностей, рефлексия по поводу которых становится необходимым условием дальнейшего развития данной проблематики в рамках *memory studies*. Во-первых, следует обратить внимание на то, что концепция «мест памяти», предложенная П. Нора, не имеет прямого отношения к изучению региональной специфики памяти, хотя отдельные ее положения могут применяться и в рамках данной проблематики.

Во-вторых, существенное значение для конкретных исследований имеет разведение понятий «региональная политика памяти» и «региональная память». Если для понимания региональной политики памяти существенной проблемой становится разграничение федеральной повестки и локальных мемориальных практик, а также изучение роли формальных и неформальных (например, краеведческих) сообществ в конструировании локальных образов прошлого, то изучение региональной памяти меняет вектор исследования с вопроса о мнемонических акторах на вопрос о динамично меняющихся мемориальных нарративах, сосуществующих в пространстве отдельного региона.

В-третьих, существенным вопросом становится изучение режимов темпоральности, существующих в региональной памяти и предполагающих отказ от идеи единого ритма исторических преобразований. Образ современного российского региона

хорошо демонстрирует сочетание самых различных временных пластов (дореволюционной архитектуры, советских монументов, постсоветских памятных табличек), которые образуют сложный палимпсест образов, который только на первый взгляд выглядит как единый и последовательный нарратив, но на самом деле представляет собой эклектичное сочетание различных мемориальных практик, нацеленных на различные социальные и возрастные слои.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бевернаж Б. Аллохронизм, равенство во времени и современность. Критика проекта радикальной современности Йоханнеса Фабиана и доводы в пользу новой политики времени // *Социология власти*. 2016. Т. 28. № 2. С. 174–202.
- Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 44–71.
- Колесникова М.Е., Маловичко С.И. Новые направления изучения региональной истории: история пограничных областей Северного Кавказа // *Наука. Инновации. Технологии*. 2004. № 39. С. 38–48.
- Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // *Новое прошлое*. 2022. № 2. С. 112–136.
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Региональная и локальная история: компаративный анализ // *Региональная история Украины*. 2011. Вып. 5. С. 49–60.
- Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // *Полития*. 2013. № 4. С. 114–126.
- Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест // *Франция-Память*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 21–50.
- Irwin-Zarecka I. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*. London: Routledge, 1994. 228 p.
- Paasi A. Place and region: Looking through the prism of scale // *Progress in human geography*. 2004. Т. 28. № 4. Pp. 536–546.

REFERENCES

- Bevernage B. Allochronism, equality in time and modernity. Criticism of Johannes Fabian's radical modernity project and the case for a new time policy], in *Sociologiya vlasti*. 2016. Vol. 28. No. 2. Pp. 174–202 (in Russian).
- Judt T. "Mesta pamyati" P'era Nora: Ch'i mesta? Ch'ya pamyat'? ["Places of Memory" by Pierre Nora: Whose Places? Whose memory?], in *Ab Imperio*. 2004. No. 1. Pp. 44–71.

Kolesnikova M.E., Malovichko S.I. Novye napravleniya izucheniya regional'noj istorii: istoriya pogranichnyh oblastej Severnogo Kavkaza [New trends in regional history study: the North Caucasus borderlands history], in *Nauka. Innovacii. Tekhnologii*. 2004. No. 39. Pp. 38–48.

Malinova O.Y., Miller A.I., Pahalyuk K.A. Regional'nyj aspekt politiki pamyati v Rossii [Regional aspects of memory politics in Russia], in *Novoe proshloe*. 2022. No. 2. Pp. 112–136.

Malovichko S.I., Rumyancheva M.F. Regional'naya i lokal'naya istoriya: komparativnyj analiz [Regional and local history: comparative analysis], in *Regional'naya istoriya Ukrainy*. 2011. Vol. 5. Pp. 49–60.

Miller A.I. Rol' ekspertnyh soobshchestv v politike pamyati v Rossii [The role of expert communities in memory policy in Russia], in *Politeia*. 2013. No. 4. Pp. 114–126.

Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriej. Problematika mest [Between memory and history. Problems of places], in *Franciya-Pamyat'*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ. 1999. Pp. 21–50.

Irwin-Zarecka I. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*. London: Routledge, 1994. 228 p.

Paasi A. Place and region: Looking through the prism of scale, in *Progress in human geography*. 2004. Vol. 28. No. 4. Pp. 536–546.

Статья принята к публикации 10.02.2023

DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-178-191

УДК 314.7.044 + 325.1 + 316.325

«ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ В «МОЛОДЫХ» РЕГИОНАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Линченко Андрей Александрович

Финансовый университет при Правительстве РФ,

Москва, Россия;

Липецкий государственный технический университет,

Липецк, Россия

linchenko1@mail.ru

Аннотация. На примере Липецкой области в статье анализируется специфика конструирования памяти о прошлом в «молодых» регионах России. На основе акторно-сетевого подхода и критического дискурс-анализа были изучены сети взаимодействия основных акторов политики памяти в Липецкой области в контексте создаваемых ими дискурсивных сред. Реконструкция основных этапов политики памяти в регионе позволила выявить особенности преобразования советского исторического нарратива. «Молодость» региона создает особую темпоральную ситуацию, где отсутствие «своего» прошлого создает мемориальный ландшафт в виде своеобразного «лоскутного одеяла». С одной стороны, это способствует сильному влиянию общероссийских трендов официальной политики памяти, а с другой — заставляет районы области искать любые возможности расширения репертуара коммемораций. Анализируются практики «присвоения» воспоминаний соседних регионов, создания воображаемых пространств памяти, а также коммеморации отдельных сюжетов прошлого, выпадающих из регионального официального исторического нарратива. Сравнение стратегий мнемонических акторов показывает их стремление к сохранению советского нарратива, умолчанию о «трудных» страницах советского прошлого в регионе, эклектический характер синтеза коммемораций дореволюционного и советского периодов. Показано, что акторы, которые в регионе могли бы выступать источником создания альтернативных смыслов регионального прошлого, в силу политических причин также вынуждены учитывать федеральный тренд и не заинтересованы в обращении к конфликтогенным участкам регионального прошлого.

Ключевые слова: региональная политика памяти, мемориальные культуры, акторы политики памяти, дискурс-анализ.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00503 «Трансформация коллективной памяти миграционных сообществ в современной России: межпоколенческая динамика, семейные ценности и коммеморативные практики».

“PATCHWORK QUILT”: CONSTRUCTING MEMORY OF THE PAST IN THE “YOUNG” REGIONS OF RUSSIA (THE CASE OF THE LIPETSK REGION)

Linchenko Andrei A.

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia;
Lipetsk State Technical University,
Lipetsk, Russia
linchenko1@mail.ru

Abstract. The article analyzed the specifics of constructing memory in the “young” regions of Russia. Based on the actor-network theory and critical discourse analysis, the interaction networks of the main mnemonic actors in the Lipetsk region and their discursive environments were studied. The reconstruction of the main stages of the politics of memory in the region made it possible to identify the transformation of the Soviet historical narrative. In the case of the Lipetsk region, the “youth” of the region creates a special temporal situation, where the absence of “its own” past creates a memorial landscape in the form of a kind of “patchwork quilt”. Such a situation, on the one hand, contributes to the strong influence of all-Russian trends in the official politics of memory, and on the other hand, makes the districts of the region look for any opportunities to expand the repertoire of public commemorations. The article analyzed the practices of “appropriating” the memories of neighboring regions, creating imaginary spaces of memory, as well as commemorating certain plots of the past that fall out of regional narrative. A comparison of the strategies of mnemonic actors has shown their desire to preserve the Soviet narrative, the default of the “difficult” pages of the Soviet past in the region, the eclectic nature of the synthesis of commemorations. It was shown that the actors that could act as a source of creating alternative meanings, due to political reasons, are also forced to take into account the federal trend and are not interested in addressing conflictogenic past.

Keywords: regional politics of memory, memorial cultures, actors of the politics of memory, discourse analysis.

Цитирование: Линченко А.А. «Лоскутное одеяло»: конструирование памяти о прошлом в «молодых» регионах России (на примере Липецкой области) // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 2. С. 178–191. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-178-191 / Linchenko A.A. “Patchwork Quilt”: Constructing Memory of the Past in the “Young” Regions of Russia (The Case of the Lipetsk Region) / The New Past. 2023. No. 2. Pp. 178–191. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-178-191.

© Линченко А.А., 2023

В последние годы в российской науке наблюдается заметный рост интереса к изучению особенностей региональной политики памяти и различным формам конструирования памяти о прошлом в регионах. Показательным в данном случае является то, что исследовательские усилия направлены как на рассмотрение теоретико-методологических вопросов, так и изучение отдельных кейсов. В одной из недавних статей, подготовленной в соавторстве О.Ю. Малиновой, А.И. Миллером и К.А. Пахалюком, отмечается общая проблематичность методологических вопросов изучения современной региональной политики памяти в России. Данная проблематичность связывается авторами как с недостаточностью использования принципа административного деления при определении «регионального» и «локального», так и с трудностями разделения мнемонических акторов на общероссийских и региональных/локальных. В этой связи авторы предлагают дополнить «общероссийский и региональный масштаб мезорегиональным уровнем, позволяющим анализировать политику памяти в рамках кластеров, объединяющих несколько субъектов Федерации», а также учитывать специфику репертуара актуального прошлого в регионах с двумя и более этническими группами [Малинова, Миллер, Пахалюк, 2022, с. 130]. На наш взгляд, данный методологический вывод интересен, поскольку оставляет открытым вопрос о классификации данных кластеров мезоуровня. Один из аспектов развития данной классификации мы и хотели бы представить в данной статье, целью которой является анализ специфики конструирования памяти о прошлом в «молодых» регионах Российской Федерации. В нашем случае таким примером будет Липецкая область, появившаяся на административной карте РСФСР в 1954 г. наряду с еще четырьмя областями: Белгородской, Арзамасской, Каменской, Балашовской. К настоящему моменту только две из них (Липецкая и Белгородская) продолжают существовать как самостоятельные административные субъекты. Важность данного фокуса связана с тем, что в случае «молодых» регионов мы имеем дело не столько с административным критерием, сколько с особой темпоральной ситуацией, когда у региона в определенном смысле отсутствует «свое» прошлое, а сам он оказывается своеобразным «лохмотным одеялом». Это в свою очередь указывает на интересный кейс, где федеральное и региональное/локальное, равно как и региональные акторы политики памяти и мемориальные культуры районов, оказываются в особой ситуации взаимодействия. Нижней хронологической рамкой в нашем случае выступает 1991 г. — определение Липецкой области в составе Российской Федерации, в то время как верхняя хронологическая рамка связана с 2018 г. — уходом с поста губернатора Липецкой области О.П. Королева и приходом к власти новой команды под руководством И.Г. Артамонова.

Общетеоретической рамкой нашего исследования является акторно-сетевой подход (Б. Латур, М. Каллон, Д. Ло), указывающий на необходимость анализировать способы и формы конструирования памяти о прошлом в контексте различных акторов, специфики их ресурсов, а также сетей взаимодействия между ними. В связи с этим задачей региональной политики оказывается сопряжение различных акторов, включение их в существующую сеть в качестве новых элементов. Обратной стороной реализации данной задачи оказывается сохранение динамического

равновесия всей сетевой структуры, ориентированной на реализацию политического интереса. Однако данная сеть включает в себя не только политических акторов, но и сообщества памяти, существующие в регионе (представители бизнес-сообщества, образовательные и просветительские организации, этнические группы, религиозные сообщества памяти и военно-патриотические организации).

Сетевое пространство взаимодействия между данными региональными акторами является дискурсивным пространством и требует соответствующей методологии исследования. В нашем случае нами была использована методология критического дискурс-анализа З. Йегера и Ф. Майера, позволяющая анализировать дискурсивные стратегии, представленные не только текстовыми фрагментами, но и графическими изображениями, а также объектами монументального искусства, образующими вместе культурный текст региона. Немецкие ученые используют определение дискурса, данное Юргеном Линком, отмечая, что дискурс есть «институционально консолидированный язык, определяющий структуру социальных действий и тем самым влияющий на отношения власти в обществе» [Jäger, 2013, p. 34]. Основной задачей данного метода является анализ типичных текстовых и образно-символических фрагментов (фрагментов дискурсов), репрезентированных в символическом пространстве коммуникационного сообщения и содержащих различные виды отсылок на одну тему. Как пишет сам З. Йегер, данная общая тема выступает в качестве своеобразной дискурсивной нити (*discursive strand*) [Jäger, 2013, p. 38]. Методология З. Йегера и Ф. Майера предполагает структурный анализ, который позволяет выявить основные темы, их заголовки и подзаголовки, элементы передаваемых структурных значений каждого блока информации, а также элементы значений, передаваемых не напрямую. Далее материал анализируется в рамках риторических средств и релевантных информационных сообщений (виды и формы аргументаций и аргументативных стратегий, логика и композиция, импликация и инсинуация, коллективный символизм и метафоры в языке). Завершающей процедурой оказывается сравнение изученных информационных источников, выявление идеологических влияний и выделение типичных фрагментов дискурса, составляющих дискурсивную нить. Вследствие специфики методологической оптики критического дискурс-анализа и особенностей хронологических рамок исследования, охватывающих почти три десятилетия истории региона, источниковую базу нашего исследования составили учебные и туристические материалы по истории края [Из истории..., 1969; Путешествие..., 1971; Жемчужины..., 2009; Клоков, Найдёнов, Найдёнова, 2020], экспозиции в краеведческих музеях области, практики переименования улиц областных и районных центров, памятники в областных и районных центрах, а также областной реестр памятных дат [Памятные даты...].

Созданная в 1954 г. Липецкая область рассматривалась в первую очередь как аграрно-промышленный регион, которым она продолжает оставаться и поныне. Регион был создан из районов, входящих в состав Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской областей. Национальный состав населения: русские (96,3%). Ключевое экономическое значение для региона играет

Новолипецкий металлургический комбинат (НЛМК). На протяжении 1990-х–начала 2000-х гг. регион устойчиво входил в «красный пояс» России. В области 18 районов и 2 города областного значения (г. Липецк и г. Елец). Областным центром региона является г. Липецк, основным демографическим источником пополнения которого в 1960-е–1990-е гг. стали жители сельских поселений.

Обращаясь к основным акторам общественных коммемораций и политики памяти в регионе, проявлявших себя в обозначенный хронологический период, можно указать на Администрацию Липецкой области, НЛМК, Администрацию и сообщества памяти г. Ельца, Липецкую митрополию, администрации районов Липецкой области, краеведческие организации региона.

Специфика Администрации Липецкой области как одного из основных акторов политики памяти в регионе за последние три десятилетия была связана с двумя основными моментами. Первым моментом в данном случае является фактор циркуляции политических элит в регионе. Вторым моментом – трансформация официального советского исторического нарратива, отражением которого является историческая культура региона и его областного центра. Обращаясь ко второму моменту, нельзя сказать, что исторические нарративы областного центра, доставшиеся ему в наследство от советского времени, претерпели кардинальные изменения за последние тридцать лет. Основу советского исторического нарратива области составляли дискурсы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., борьбы рабочего класса в Липецке и городах области, Липецкий съезд народовольцев 1879 г., жизнь Г.В. Плеханова в Липецкой области, история Липецкого курорта минеральных вод, темы военной авиации и космонавтики. Данные дискурсы могут быть без труда обнаружены при обращении к серии учебных пособий по истории области [Из истории..., 1969; Путешествие..., 1971], к установленным в советское время монументам и названиям улиц. Так, основными сюжетами монументальной эстетики в городах области стали памятники Ленину, группа памятников, посвященная Великой Отечественной войне, памятники борцам за советскую власть, металлургам и новой героике (герои-авиаторы, чернобыльцы). Сохранившийся в городе Липецке немногочисленный нарратив Петра I был дополнен памятником петровским пушкам в 1960-е гг. Сходные дискурсы находим в двух волнах (1957 и 1977 гг.) переименования и называния улиц разраставшегося областного центра. Фактор циркуляции элит позволят говорить на данный момент как минимум о трех хронологических этапах: политической борьбе в регионе до 1998 г., долгом периоде губернаторства О.П. Королева и назначении в 2018 г. нового губернатора – И.Г. Артамонова.

Период с 1991 по 1998 г. ознаменовался в регионе ростом политического противостояния между областной администрацией и НЛМК, где сфера общественных коммемораций играла незначительную роль. В эти годы Администрация Липецкой области выступает селектором практик коммеморации, предлагаемых сообществами памяти в регионе, выражая стремление дистанцироваться от какого-либо одного дискурса. Так, в 1990-е гг. в областном центре появляются памятник Г.В. Плеханову,

Петру I, детям Великой Отечественной войны, а в 1992–1993 гг. площади Ленина и Карла Маркса переименовываются в Соборную и Петра I соответственно. При этом открытие памятников не сопровождалось учреждением соответствующих ритуалов. Центральное значение для коммеморативных практик в областном центре приобретает фигура Петра I, который оказался удачным для областного центра символическим образом, отражающим поиск подходящих дореволюционных фигур для коммеморации (федеральный тренд) и при этом непосредственно связанным с самой историей города (липецкие железодельные заводы, курорт минеральных вод).

Следует полностью согласиться с мнением А.В. Скиперских в том, что приход к власти в 1998 г. О.П. Королева стал своеобразной первой символической победой сельских районов над областным центром, где влияние НЛМК в 1990-е гг. было доминирующим [Скиперских, 2016, с. 36]. Оставляя в стороне основные причины, способствовавшие двадцатилетнему периоду правления О.П. Королева, никогда не скрывавшего свои симпатии к коммунистическому прошлому, обратимся к трансформации регионального исторического нарратива. Как и в других российских регионах, центральное место в областном дискурсе занимают коммеморации Великой Отечественной войны [Скиперских, 2021], о чем свидетельствует существенное увеличение числа памятников, прежде всего в районах области (наибольшее – в затронутых войной Тербунском и Воловском районах).

Молодость региона актуализировала вторую дискурсивную нить, связанную с вопросами территориально-политической субъектности в регионе и нашедшую отражение в установке памятников дореволюционному градоначальнику Митрофану Ключеву (2006), основателям города (2008), а также в масштабных празднованиях 300-летия города Липецка (2003) и торжественном открытии памятного знака в честь этой славной даты – с обязательным указанием на одинаковый возраст Липецка и Санкт-Петербурга. Актуальность обозначенного дискурса также наглядно демонстрирует официальный календарь памятных дат Липецкой области [Памятные даты...], где 90% дат представляют собой даты оснований городов области, различных органов власти и областных учреждений.

Третья дискурсивная нить, характерная как для коммеморативных практик областного центра, так и для районов области, связана с сохранением советского нарратива, что зримо проявляет себя в устойчивой тенденции сохранения советских названий улиц как во всех районных центрах области, так и в областном центре, мероприятиях по поддержанию внешнего вида памятников советской эпохи, сохранении основных тематических выставок в Липецком областном краеведческом, Задонском, Данковском, Усманском, Чаплыгинском и Грязинском краеведческом музеях. При этом, если в г. Ельце революционная тема постепенно размывается [Скиперских, 2017, с. 126], то анализ дискурсивного пространства основных выставок в районных центрах показывает сохранение важного места темы Октябрьской революции в музеях региона. При этом в сравнении с краеведческими музеями области Липецкий областной краеведческий музей сделал существенный шаг вперед, где

традиционные для советского исторического нарратива темы революции и войны оказались дополнены экскурсами в историю повседневной жизни, а также особой экспозицией, посвященной сталинским репрессиям. Тем не менее на общем фоне сохранения советского нарратива весьма характерным является то, что на шумевшая история с установкой бюста Сталина на одной из центральных улиц города Липецка (на частной территории около офиса КПРФ) не вызвала у представителей областной администрации каких-либо нареканий.

Отсутствие единой смысловой линии в политике памяти областной администрации пока оказывается характерной и для нового губернатора — И.Г. Артамонова, назначенного в 2018 г. Четыре года его правления ознаменовались разнонаправленными тенденциями, связанными с расширением коллабораций с Русской православной церковью в регионе (памятники Святителю Пантелеимону и Николаю Чудотворцу), возвращением советского нарратива (реконструкция дворца спорта «Звездный» в его первоначальном советском виде), деконструкцией советского нарратива (реконструкция парка «Быханов сад» и удаление большинства элементов его советского облика), критическими высказываниями об установке бюста И.В. Сталину. Подобная разнонаправленность во многом продиктована стремлением к своеобразному нейтралитету в отношении конфликтных вопросов прошлого в условиях незавершенности процесса ротации политической элиты в регионе.

На протяжении последних десяти лет в регионе наблюдается постепенное дистанцирование НЛМК от участия в политической и культурной жизни, зримо отражающее общефедеральные тенденции взаимоотношений между крупным бизнесом и политической властью. Имея огромные финансовые ресурсы, комбинат продолжает оставаться и актором политики памяти, концентрируя свое внимание при этом на коммеморациях вокруг самого предприятия и его истории. За последние годы это нашло выражение в четырех основных направлениях деятельности: активизации музейно-выставочной деятельности в рамках музея НЛМК, установке мемориальных досок бывшим работникам комбината в г. Липецке, финансировании благотворительных проектов помощи ветеранам города, а также поддержке проектов молодежи в рамках патриотического воспитания, связанных с коммеморациями Великой Отечественной войны. Открытый в 1987 г., музей НЛМК был существенно обновлен и реконструирован в 2006 г. Если экспозиция музея советского времени в первую очередь делала акцент на коммеморациях значимых достижений комбината и его истории, то новая экспозиция не только показывает роль комбината в истории города, но и стремится представить посетителю нарратив о важной роли комбината в основных вехах истории страны, где особое место занимают коммеморации Великой Отечественной войны.

Политическое влияние губернатора О.П. Королева на назначение большинства руководителей районов области нашло отражение и на уровне общественных коммемораций в районах. Речь в первую очередь идет об абсолютном доминировании в районных дискурсах памяти о Великой Отечественной войне. Однако это не означает, что

районы области не пытаются обрести свою особую субъектность, которая на уровне коммемораций достигается с помощью различных практик. Данными практиками оказываются «присвоение» воспоминаний соседних регионов, создание воображаемых пространств памяти, а также коммеморации отдельных сюжетов прошлого, выпадающих как из общероссийского, так и регионального исторического нарратива. Основным дискурсом, в рамках которого в области разворачиваются практики «присвоения» воспоминаний соседних регионов, является персонафикация коммеморативных пространств, связанных с эпизодами жизни того или иного культурного героя. И здесь руководители районов не демонстрируют существенных отличий от общероссийских тенденций: «региональные политические элиты, конструирующие соответствующие дискурсы, готовы использовать любые возможности для идентификации региона с героем вне зависимости от реальной исторической значимости участия персоналии в жизни региональной территории» [Бедерсон, 2015, с. 199]. В этой связи наиболее яркими являются общественные коммеморации, развернутые вокруг места смерти Л.Н. Толстого (Лев-Толстовский район), связанные с трехмесячным пребыванием в области А.С. Грибоедова по пути на Кавказ (Измалковский район), а также связанные с наличием на территории области поместий родителей М.Ю. Лермонтова (Краснинский район). В последнем случае показателен факт мифологизации пространства памяти, овеянного именем поэта: «Дворянский род Лермонтовых издавна связан с Липецким краем. Здесь жили предки по материнской линии. В деревне Васильевке Краснинского района познакомились и обвенчались в местной церкви Марья Михайловна Арсеньева и Юрий Петрович Лермонтов – родители великого русского поэта М.Ю. Лермонтова. Здесь вырос и впервые полюбил юный поэт» [Жемчужины..., 2009, с. 32]. Ярким примером практик по созданию воображаемых пространств памяти является создание в Добровском районе мест памяти, связанных с именем А.С. Пушкина, предки которого владели землей в деревне Кореневищино. Так, за последние годы в одноименном сельском поселении были созданы Пушкинский пруд, стела памяти поэту, Пушкинский класс-музей, а также организован ежегодный Пушкинский праздник поэзии. В некоторых случаях представители местного бизнес-сообщества выступали инициаторами коммемораций отдельных сюжетов прошлого, выпадающими как из общероссийского, так и регионального исторического нарратива. В 2016 г. в г. Чаплыгине на средства местного крахмального завода и столичных благотворителей был установлен памятник Иоанну VI Антоновичу, который зимой 1744 г. оказался в ссылке с родителями в крепости Ораниенбург (нынешний Чаплыгин). Характеризуя мотивы установки памятника, областная пресса отмечала стремление чаплыгинцев «первыми увековечить память о несчастном, ставшем жертвой дворцовых интриг, самодержце» [Липецкая газета, 2016].

Все более заметным актором политики памяти в регионе в последние годы становится Липецкая митрополия, преобразованная в 2019 г. из Липецкой и Елецкой епархий. Показательным в данном случае является факт увеличения численности духовенства более чем в три раза за первые 10 лет существования епархии (к 2013 г.) [История Липецкой митрополии]. На фоне увеличения численности духовенства, а также роста числа приходов вполне понятным является активизация

дискурса коммемораций, как в сотрудничестве с другими акторами (областная администрация, администрации районов, Липецкое областное краеведческое общество), так и в сфере реализации собственных практик. Анализ дискурсивного пространства практик коммеморации Липецкой митрополии за последние годы позволяет выделить целый ряд направлений, большинство из которых соответствуют федеральным стратегиям Русской православной церкви как актора политики памяти. Первым направлением являются коммеморации в рамках проведения традиционных православных праздников и ритуалов почитания святых Липецкой земли. Второе направление связано с коммеморациями наиболее ярких представителей «духовного наследия Липецкого края»: святителя Тихоне Задонском, преподобном Силуане Афонском и Георгии, затворнике Задонском. Вполне ожидаемым является и третье направление, связанное с коммеморациями расстрелянной царской семьи, не выходящее за пределы информационных сообщений на сайте и соответствующих церковных служб. Четвертое направление, активно развиваемое митрополией, связано с канонизацией святых и созданием Собора Липецких святых (официально установлено в 2010 г.). Данный дискурс является одним из наиболее значимых в общецерковной политике памяти. Основной тенденцией в регионе, вполне согласуемой с общецерковным дискурсом, является доминирование канонизации жертв политических репрессий 1930-х гг. Так, по состоянию на осень 2022 г. из 60 липецких святых 19 канонизированных приходилось на персоналии до 1917 г., а 41 персоналия была связана с советской эпохой. Также показателен факт, что из 60 липецких святых статус святителя имели 12 персоналий, а 8 персоналий находились в статусе преподобных. В то же время статус священномученика был зафиксирован у 40 канонизированных персоналий. Казалось бы, дискурс новомучеников, напрямую указывающий на «неудобную» для региональных властей тему, должен был вызывать соответствующую реакцию. Отсутствие подобной реакции у региональных властей, на наш взгляд, связано в первую очередь со стремлением Липецкой митрополии не предавать данную тему широкой огласке. Практически незаметной оказалась в регионе передвижная выставка «Русская Голгофа. Новомученики и пострадавшие за Веру в Липецком крае», представленная в Липецком областном краеведческом музее в июне 2022 г. Скучные строчки о прошедшем мероприятии на сайте митрополии не содержат отсылок к смысловой интерпретации роли и значения выставки [Митрополит Липецкий и Задонский...], зримо демонстрируя фигуру умолчания. Пятым направлением, осуществляемым митрополией совместно с Липецким областным краеведческим обществом, стали восстановление храмов и реконструкция утраченных в советское время религиозных сооружений. В данном случае результаты сотрудничества нашли активное отражение в серии книг «Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии», издававшейся в 2006–2011 гг. Наконец, шестым направлением Липецкой митрополии стали военные коммеморации, демонстрирующие два наиболее заметных дискурса: актуализацию памяти о священниках – участниках Великой Отечественной войны и установку мемориальных досок в память о солдатах, погибших в специальной военной операции.

Особое место в исторической культуре Липецкой области занимает город Елец, историческое значение которого уже само по себе превращает его администрацию и сообщества памяти в акторов политики памяти в регионе. История города, репрезентированная в практиках и ритуалах общественных коммемораций, обнаруживает как минимум две исторические даты, обладающие огромным мифогенным потенциалом: 1) речь идет о первом упоминании о Ельце в 1146 г., и данный факт всегда связывается с тем, что этот топоним появляется на летописных страницах на год раньше Москвы; 2) значимым для мифологического дискурса современного Ельца является 1395 г. — историческая дата взятия Ельца войсками Тамерлана, повернувшего затем свои войска обратно в Азию. Показательно, что в последние годы вокруг этой даты были развернуты общественные коммеморации, отражающие, с одной стороны, установку на героический исторический опыт города, а с другой — установку на важную роль сакральной жертвы Ельца в спасении России от Тамерлана. Еще более важно, что коммеморации 1395 г. содержат отсылки к религиозному дискурсу о заступничестве Владимирской иконы Божией Матери (ландшафтная опера «Сказание о граде Ельце»).

Исследования А.В. Скиперских показывают, что елецкий культурный текст демонстрирует сохранение советского нарратива, а также заметное увеличение коммемораций Великой Отечественной войны. Трансформация мемориальной культуры города, по мнению исследователя, достаточно зримо укладывается в три основных хронологических периода: до 1991 г., 1991–2014 гг. и период после 2014 г. Первый этап связан с советским периодом в истории города и доминированием коммемораций Октябрьской революции 1917 года и Великой Отечественной войны. Второй этап характеризуется ростом интереса к дореволюционной истории Ельца и конструированием памяти о Ельце имперского периода. Третий этап начинается в 2014 г. В этот период мы наблюдаем усиление патриотической риторики и доминирование в городской памяти коммемораций Великой Отечественной войны, «где вместо “советского” используется “российское”» [Скиперских, 2017, с. 126]. Случай позволяет отечественному исследователю также говорить об особой позиции мэрии города, которая «прибегает к достаточно “недорогим” и ... “выгодным” практикам» [Скиперских, 2022, с. 20], в полной мере руководствуясь теми импульсами, которые все отчетливее обозначаются в последние годы федеральной властью.

Особое место среди негосударственных акторов формирования мемориальной культуры региона занимает Липецкое областное краеведческое общество, созданное в 1989 г. Глубокие связи общества с историческими факультетами университетов области, военно-патриотическими клубами и клубами исторической реконструкции и реставрации, а также районными краеведческими обществами позволили ему стать одним из наиболее значимых акторов в регионе. Основной целью общества было заявлено комплексное изучение края, а также пропаганда его истории и культуры, равно как и сохранение памятников истории и культуры. Данные цели определили основные направления коммеморативных практик, связанных с реконструкцией, восстановлением и изучением усадеб и храмов области,

пополнением музейных экспозиций, установкой памятников и мемориальных досок выдающимся землякам, а также разработкой и реализацией более полусотни экскурсионных маршрутов. Показательно, что результатом активной деятельности общества стало существенное увеличение краеведческой литературы. Важным является тот факт, что общество осуществляет свою деятельность на собственные средства, а также стремится привлекать средства федерального центра. Так, при поддержке фонда президентских грантов в 2020 г. было завершено и опубликовано новое учебное пособие по истории края [Клоков, Найдёнов, Найдёнова, 2020]. Учебное пособие представляет собой взгляд на историю России сквозь призму событий, происходивших на территории Липецкой области.

Вместе с тем краеведческое общество актуализирует дискурсы, которые не являются заметными в официальных дискурсах политики памяти в регионе, но при этом не переходит условные «символические границы». С одной стороны, это позволяет активно сотрудничать с культурными и просветительскими инициативами органов власти и в особенности Липецкой митрополии, а с другой стороны – не позволяет обществу обращать пристальное внимание на «трудные» страницы советского прошлого, способствовать развитию критического исторического сознания в регионе. Так, в обозначенном выше учебном пособии по истории края читатель может встретить достойный материал, посвященный коллективизации и голоду в деревне, однако не найдет главы, посвященной репрессиям 1930-х гг. Данная тема, равно как и даже незначительные упоминания о «большом терроре», отсутствуют в книге, где за параграфом о коллективизации и индустриализации следует параграф о Великой Отечественной войне [Клоков, Найдёнов, Найдёнова, 2020].

Таким образом, на примере Липецкой области в данной статье был поставлен вопрос о специфике конструирования памяти о прошлом в «молодых» регионах России. В нашем исследовании мы практически не обращались к вопросам присутствия федеральных акторов в регионе, поскольку это является отдельной исследовательской задачей. Основной целью данной работы было изучение сети взаимодействия основных акторов политики памяти в Липецкой области в контексте создаваемых ими дискурсивных сред. Было выявлено, что «молодость» региона действительно создает особую темпоральную ситуацию, где отсутствие «своего» прошлого конструирует мемориальный ландшафт в виде своеобразного «локутного одеяла». Подобная ситуация, с одной стороны, способствует сильному влиянию общероссийских трендов официальной политики памяти, а с другой стороны, заставляет районы области искать любые возможности расширять репертуар общественных коммемораций за пределами официального дискурса как дополнительный символический ресурс поддержания социального согласия. Данными практиками оказываются «присвоение» воспоминаний соседних регионов, создание воображаемых пространств памяти, а также коммеморации отдельных сюжетов прошлого, выпадающих как из общероссийского, так и регионального исторического нарратива. Статус региона как территории с низким уровнем протестного потенциала, а также долгое нахождение региона в «красном поясе» России находит

свое отражение и в стремлении основных акторов к сохранению советского нарратива, умолчанию о «трудных» страницах советского прошлого в регионе, а также эклектическим комбинациям коммемораций дореволюционного и советского периода. Те акторы, которые в регионе могли бы выступать источником создания альтернативных образов регионального прошлого и его особой исторической идентичности (НЛМК, Липецкая митрополия, Липецкое областное краеведческое общество), в силу политических причин также вынуждены учитывать федеральный тренд, а значит не заинтересованы в обращении к конфликтогенным участкам регионального прошлого. В этих условиях каждый актор оказывается ориентированным не столько на символическое взаимодействие с другими с целью производства новых культурных смыслов, сколько на воспроизводство собственного локального нарратива, максимально встроенного в официальный федеральный исторический нарратив.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бедерсон Д.В. В поисках героев: Разнообразие персоналистских идентификаторов и политика идентичности в регионах современной России // *Символическая политика*. Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 192–210.

Жемчужины Липецкой области. Каталог культурных, исторических, природных достопримечательностей Липецкой области. Липецк: ООО «Респект», 2009. 34 с.

Из истории Липецкого края. Ред. Д.В. Гаврилов, А.Ф. Мартынов, А.Н. Соболев, Н.Н. Федосеев. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1969. 192 с.

История Липецкой митрополии. URL: <https://mitropolia-lip.ru/istoriya-lipeckoy-mitropolii> (дата обращения – 06 октября 2022 г.).

Клоков А.Ю., Найдёнов А.А., Найдёнова Е.А. История Липецкого края. Липецк: Липецкое областное краеведческое общество, 2020. 464 с.

Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // *Новое прошлое*. 2022. № 2. С. 112–136.

Митрополит Липецкий и Задонский Арсений посетил выставку «Русская Голгофа. Новомученики и пострадавшие за Веру в Липецком крае» в Липецком областном краеведческом музее. URL: <https://mitropolia-lip.ru/events/mitropolit-lipeckiy-i-zadonskiy-arseniy-posetil-vystavku-russkaya-golgota-novomucheniki-i> (дата обращения – 06 октября 2022 г.).

Памятные даты Липецкой области URL: <https://admlip.ru/about/pamyatnye-daty/> (дата обращения – 06 октября 2022 г.).

Путешествие по Липецкой области. Сост. В.Ф. Полянский, Н.В. Марков, А.Ф. Мартынов. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1971. 359 с.

Липецкая газета. 08 июня 2016.

Скиперских А.В. История российской провинции в мемориальной культуре: политическое конструирование // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 47. С. 121–127.

Скиперских А.В. Политика памяти о Великой Отечественной войне в Липецкой области: акторы, специфика, последствия // *Дискурс-Пи*. 2021. Т. 18. № 4. С. 59–77.

Скиперских А.В. Липецкая политическая элита: специфические черты, персоналии, тенденции инкорпорации // *PolitBook*. 2016. № 4. С. 31–46.

Скиперских А.В. «Выгодное прошлое»: приключения памяти в российской провинции // *PolitBook*. 2022. № 1. С. 6–23.

Jäger S. Discourse and Knowledge: Theoretical and Methodological Aspects of a Critical Discourse and Dispositive Analysis, in *Methods of Critical Discourse Analysis*. Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: SAGE Publications, 2013. Pp. 32–63.

REFERENCES

Bederson D.V. V poiskah geroev: Raznoobrazie personalistskikh identifikatorov i politika identichnosti v regionah sovremennoj Rossii [In Search of Heroes: Diversity of Personalist Identifiers and Identity Politics in the Regions of Modern Russia], in *Simvolicheskaya politika*. Moscow: INION RAN, 2015. Pp. 192–210 (in Russian).

Zhemchuzhiny Lipeckoj oblasti. Katalog kul'turnyh, istoricheskikh, prirodnyh dostoprimechatel'nostej Lipeckoj oblasti [Pearls of the Lipetsk region. Catalog of cultural, historical, natural attractions of the Lipetsk region]. Lipeck: OOO "Respekt", 2009. 34 p. (in Russian).

Iz istorii Lipeckogo kraja [From the history of the Lipetsk region]. Eds. D.V. Gavrillov, A.F. Martynov, A.N. Sobolev, N.N. Fedoseev. Voronezh: Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. 192 p. (in Russian).

Istoriya Lipeckoj mitropolii [History of the Lipetsk Metropolia]. Available at: <https://mitropolia-lip.ru/istoriya-lipeckoy-mitropolii> (accessed 06 October 2022).

Klovov A.Y., Najdyonov A.A., Najdyonova E.A. *Istoriya Lipeckogo kraja* [History of Lipetsk region]. Lipeck: Lipeckoe oblastnoe kraevedcheskoe obshchestvo, 2020. 464 p. (in Russian).

Malinova O.Y., Miller A.I., Pakhalyuk K.A. Regional'nyj aspekt politiki pamyati v Rossii [Regional aspects of memory politics in Russia], in *Novoe Proshloe*. 2022. No. 2. Pp. 112–136 (in Russian).

Mitropolit Lipeckij i Zadonskij Arsenij posetil vystavku "Russkaya Golgofa. Novomucheniki i postradavshie za Veru v Lipeckom krae" v Lipeckom oblastnom kraevedcheskom muzee [Metropolitan Archbishop of Lipetsk and Zadonsk Arseniy visited the exhibition "Russian Golgotha. New Martyrs and Victims for the Faith in the Lipetsk Territory" in the Lipetsk Regional Museum of Local Lore]. Available at: <https://mitropolia-lip.ru/events/mitropolit-lipeckij-i-zadonskij-arseniy-posetil-vystavku-russkaya-golgofa-novomucheniki-i> (accessed 06 October 2022).

Pamyatnye daty Lipeckoj oblasti [Memorable dates of the Lipetsk region] Available at: <https://admlip.ru/about/pamyatnye-daty/> (accessed 06 October 2022).

Puteshestvie po Lipeckoj oblasti [Journey through the Lipetsk region]. Eds. V.F. Polyanskij, N.V. Markov, A.F. Martynov. Voronezh: Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 359 p. (in Russian).

Lipeckaya gazeta. 08 June 2016.

Skiperskikh A.V. Istoriya rossijskoj provincii v memorial'noj kul'ture: politicheskoe konstruirovanie [History of the Russian province in the memorial culture], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2017. No. 47. Pp. 121–127 (in Russian).

Skiperskikh A.V. Politika pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne v Lipeckoj oblasti: aktory, specifika, posledstviya [The politics of memory of the Great Patriotic War in the Lipetsk region: actors, specifics, consequences], *Discourse-P*. 2021. Vol. 18(4). Pp. 59–77 (in Russian).

Skiperskikh A.V. Lipeckaya politicheskaya elita: specificheskie cherty, personalii, tendencii inkorporacii [Lipetsk political elite: peculiar features, personalities, incorporating trends], in *PolitBook*. 2016. No. 4. Pp. 31–46 (in Russian).

Skiperskikh A.V. "Vygodnoe proshloe": priklyucheniya pamyati v rossijskoj provincii ["Profitable Past": adventures of memory in the Russian province], in *PolitBook*. 2022. No. 1. Pp. 6–23 (in Russian).

Jäger S. Discourse and Knowledge: Theoretical and Methodological Aspects of a Critical Discourse and Dispositive Analysis, in *Methods of Critical Discourse Analysis*. Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: SAGE Publications, 2013. Pp. 32–63.

Статья принята к публикации 10.02.2023

DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-192-201

УДК 314.7.044 + 325.1 + 316.325

В ИЕРАРХИИ «МАТРЕШКИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ»: «ШАХМАТНАЯ ДОСКА» ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (КРАЕВЕДЕНИЕ И ИММИГРАНТЫ)¹

Овчинников Александр Викторович

Финансовый университет при Правительстве РФ,

Москва, Россия;

Казанский государственный энергетический университет,

Казань, Россия

ovchinnikov8_831@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема мнемонической активации традиционно «молчаливых» в поле отечественной исторической памяти социальных групп: нестоличных местных сообществ и иммигрантов. Методологической базой анализа является конструктивизм, т.к. именно через его теоретический ракурс можно объяснить динамику складывания исторических образов и социальных статусов различных групп населения. Исследуется специфика краеведения в отечественной интеллектуальной среде. Доказывается, что понимание краеведения в качестве непрофессиональной, любительской истории находится в рамках (нео)колониальной парадигмы. Вырабатывается определение феномена краеведения как, с одной стороны, междисциплинарной науки, чей методологический и методический аппарат сокрыт в составляющих ее дисциплинах, а с другой – особого способа осмысления окружающего мира, причем взаимодействие краеведения-науки и краеведения-мировоззрения находится не столько в плоскости отношений профессионал/непрофессионал, сколько в перспективах развития в России гражданского общества. Предлагается использование возможностей краеведения при мнемонической адаптации и интеграции иммигрантов в новой для них культурной среде. Доказывается, что образы местной истории для иммигрантов более понятны и актуальны, в отличие от официальных метанарративов стран «исхода» и «прибытия». Взаимодействие двух «молчавших» ранее мнемонических акторов объективно будет способствовать развитию институтов гражданского общества.

Ключевые слова: краеведение, иммигранты, адаптация и интеграция, историческая память.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00503 «Трансформация коллективной памяти миграционных сообществ в современной России: межпоколенческая динамика, семейные ценности и коммеморативные практики».

IN THE HIERARCHY OF “MATRYOSHKA IDENTITIES”: THE “CHESSBOARD” OF NATIONAL HISTORICAL MEMORY (LOCAL HISTORY AND IMMIGRANTS)

Ovchinnikov Alexander V.

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia;

Kazan State Power Engineering University,
Kazan, Russia

ovchinnikov8_831@mail.ru

Abstract. The problem of mnemonic activation of traditionally “silent” social groups in the field of historical memory: non-metropolitan local communities and immigrants is considered. The methodological basis of the analysis is constructivism, because it is through its theoretical perspective that the dynamics of the folding of historical images and social statuses of various population groups can be explained. The specifics of local history in the domestic intellectual environment are investigated. It is proved that the understanding of local history as an unprofessional, amateur history is within the (neo)colonial paradigm. The definition of the phenomenon of local history is being developed as, on the one hand, an interdisciplinary science, whose methodological and methodological apparatus is hidden in its constituent disciplines, and on the other hand, a special way of understanding the surrounding world, moreover, the interaction of local history-science and local history-worldview is not so much in the plane of professional/non-professional relations, as in the prospects for development of civil society in Russia. It is proposed to use the possibilities of local history in the mnemonic adaptation and integration of immigrants in a new for them cultural environment. It is proved that the images of local history are more understandable and relevant for immigrants, in contrast to the official meta-narratives of the countries of “arrival” and “exodus”. The interaction of two previously “silent” mnemonic actors will contribute to the development of civil society institutions.

Keywords: local history, immigrants, adaptation and integration, historical memory.

Цитирование: Овчинников А.В. В иерархии «матрешки идентичностей»: «шахматная доска» отечественной исторической памяти (краеведение и иммигранты) // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 2. С. 192–201. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-192-201 / Ovchinnikov A.V. In the Hierarchy of “Matryoshka Identities”: The “Chessboard” of National Historical Memory (Local History and Immigrants), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 2. Pp. 192–201. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-192-201.

© Овчинников А.В., 2023

Историческая память, несмотря на кажущийся схоластический характер образов прошлого, обладает мощной «социальной энергией». Не столько сугубо профессиональные, сколько общественные дискуссии «о делах давно минувших дней» на проверку оказываются «эхом» серьезных социальных противоречий, когда сложности формулировок и их обнародования «компенсируются» риторикой об исторических претензиях, несправедливостях, «забытых победах» и т.д. Негативные последствия современных «войн памяти» очевидны [Шнирельман, 2003], но в то же время следует признать, что в ходе них происходит своеобразное (как, например, во время спортивных мероприятий) замещение «реального» конфликта «символическим противоборством».

Мозаичность социума, многочисленность действующих в нем акторов обуславливают и сложность исторической памяти. Даже в том случае, когда государство доминирует над обществом и предлагает якобы всеохватывающий канонический нарратив о прошлом, в последнем можно увидеть «разноцветье» интересов разных внутригосударственных сил (например, регионов) и «услышать молчание» игнорируемых по тем или иным причинам социальных групп. Так, в унитарном СССР уже с середины XX в. конструировались цельные «истории» союзных и автономных республик, краев и областей, которые до поры до времени находились в подчиненном положении к общегосударственному нарративу [Овчинников, 2017]. В этом же нарративе, согласно личному опыту автора, современниками чувствовалось «молчание» о судьбе репрессированных политических деятелей, социальных («кулаки» и т.д.) и этнических (крымские татары и т.д.) групп.

«Мнемоническое молчание» (их собственное и о них) многочисленных общественных акторов опаснее публичного манифестирования ими претензий к прошлому, т.к. в первом случае явно имеет место быть скрытая эскалация конфликта, эффект «сжимающейся пружины», быстрое «распрявление» которой в кризисный момент может привести к непредсказуемым последствиям. Подобное произошло в 1990-е гг., и кроме депрессии, явно ощущавшейся и вызванной свержением прежних идолов, это привело к складыванию радикальных сценариев достижения «исторической справедливости».

В официальном отечественном историческом дискурсе традиционно и очень «громко молчат» две важнейшие социально-политические силы: нестоличные местные сообщества и иммигранты. К первым государственный метанарратив «добирается изредка», и то позволяя им примером своего существования лишь иллюстрировать важные с точки зрения государства исторические события (войны, «великие стройки», исполнение вышестоящих решений и т.д.) (см., например: [Кировский район...]). Вторые же (т.е. иммигранты со своим видением прошлого) и вовсе не учтены, и предписанная им роль состоит лишь в приобщении к знанию азов российской (на практике – русской) истории [Пробный тест...]. Схожесть «мнемонических статусов» и необходимость их коррекции обуславливают постановку вопроса об использовании потенциала «местной истории» в культурной адаптации и интеграции иммигрантов. Прежде чем делать наброски «дорожной карты» такого

взаимодействия, необходимо выявить «потенциально диффузионные» особенности исторического краеведения и образов памяти иммигрантов.

Специфика отечественного краеведения заключается, помимо прочего, и в официально приписываемой отдельному индивиду иерархии «матрешки идентичностей». «Со стороны» человек первоначально идентифицируется как житель и гражданин страны и государства в целом («россиянин»). Затем следует сопоставление с определенной этнической группой (русский, татарин и т.д.), далее с регионом (субъектом Российской Федерации), потом с административным районом, городом, селом, улицей и т.д. Подобная «кодовая» многоступенчатая характеристика обусловлена бюрократическими интересами государственного управления, реальный человек при этом оказывается в символическом подчинении (нео)колониального дискурса. Сконцентрированные в рамках краеведения попытки изучения истории конкретного человека, семьи и населенного пункта фактически находятся под контролем государства посредством включенности в иерархию одобряемого им метанарратива. Отсюда очень шаткое положение краеведения в системе наук и во взаимоотношениях государства и общества.

Принимая во внимание тот факт, что «историческая иерархия» является частью взаимоотражения иерархии социально-политической, истинные причины «окраинного» положения краеведения можно объяснить с позиций (нео)колониальной теории [Эткинд, 2013]. Например, официальная риторика Татарстана активно использует тезис о необходимости развития в современной России федерализма, сама же поволжская республика представляет собой строго унитарное государство с несамостоятельными в политическом и экономическом отношении регионами (районами). «Первичность» Казани по отношению к районам подчеркивается особо. Так, близкий к татарстанской политической элите историк и академик Академии наук Татарстана, в 1992–2002 гг. Председатель исполкома Всемирного конгресса татар И.Р. Тагиров (род. в 1936 г. в с. Старое Шугурово современного Лениногорского района РТ) в одной из публикаций констатировал, что Казань задает «тон всей республике». «От Казани исходят основные политико-экономические инициативы. Она строится, создавая лучшие образцы градостроительства, и по ее примеру строятся другие города республики». Выставляя (нео)колониальные аспекты взаимоотношений «Центр-регионы», И.Р. Тагиров как о само собой разумеющемся писал, что «города и другие населенные пункты республики во всех отношениях тянутся за столицей» [Тагиров, 2005, с. 36]. Неудивительно, что история отдельных городов (за исключением Казани) и других населенных пунктов этой национальной республики конструируется как дополняющая и конкретизирующая часть общерегионального исторического нарратива [Галлямов, Давлетшина, Ахметзянов и др., 1997], что, между прочим, напоминает положение «истории ТАССР» в рамках «Истории СССР».

Приведенный выше пример колониального центризма присущ многим постсоветским режимам. Показателен случай, когда регионы Казахстана на 20-летний юбилей Астаны «вручали» ей «подарки» в виде построенных объектов (скверов,

бульваров, велодорожек, спортивных центров) [Десять подарков...]. Продолжением вектора этих отношений являются казахстанские учебники по краеведению, в рамках которых родной населенный пункт презентуется школьникам как низовая составляющая административно-бюрократической иерархии («Учебник, который вы держите в руках, появился благодаря программной статье нашего Президента... “Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания”. Краеведение – область знаний, которая изучает определенную часть страны, например административный район, область, город, поселение. ... Человеку важно знать свои истоки – историю своей семьи, своего края, своей Родины») [Краеведение..., 2020, с. 6].

Проблема «Центр–регионы» характерна и для институционального оформления сообщества российских историков, методологического и эмпирического наполнения их текстов, политической направленности конструируемых образов прошлого. Колониальная составляющая не является результатом самоорганизации академического сообщества, а отражает вынужденную иерархизацию согласно положению исследователя в географо-политическом пространстве. Так, с 1990-х гг. появляющиеся в Татарстане конструкты «истории татарского народа» строятся на противопоставлениях официальному общероссийскому историческому нарративу. В свою очередь, не поддержанные татарстанской элитой болгарский и кряшенский национализмы противопоставляют свои исторические сюжеты официальной истории Татарстана. Такое положение дел вряд ли можно назвать борьбой идей – скорее, это конкуренция за право трансляции идеологием. В этом случае изучение «малозначимой территории» оказывается в самом основании иерархии, для существования которой жизненно необходимо наличие нижестоящих, нуждающихся в «просвещении» относительно сложных фактографических и теоретических вопросов, причем «сложность» и «необходимость просвещения» определяются «вышестоящими» (они же создают обязательные для исполнения критерии, что напоминает «промежуточную» бюрократическую отчетность).

Присущая административно-территориальному и корпоративному делениям иерархия имеет место быть и в представлениях об этническом. Воображаемая соподчиненность «суперэтнос-этнос-субэтнос» обычно заканчивается уровнем семьи, которая в то же время служит одним из объектов изучения краеведения, что опять ставит последнее на самую нижнюю ступень иерархии. Также и «субэтнос» из таксономической единицы в определенных социально-политических условиях превращается в категорию соподчиненности (в Татарстане крещеные татары (кряшены), признаваемые «субэтносом» татарской нации, нередко именуется на этом основании «младшими братьями» татар, а кряшенские активисты, в том числе историки, оказываются в «разряде» «краеведов и публицистов»; основной же миф «единой татарской нации» активно конструируется местным академическим сообществом) [Овчинников, 2020].

Кроме внутригосударственной иерархии, которая представляет собой не столько функциональность, сколько структуру, особенности статуса российского краеведения определяются дихотомией государство/гражданское общество. Профессиональная историография так или иначе является проводником государственных

интересов, тогда как краеведение отражает попытку самостоятельного конструирования картины мира. В отечественной традиции краеведение является синонимом непрофессиональной истории, а краевед понимается как любитель-непрофессионал. Вместе с тем профессионалы также изучают историю данной местности, и потому законы логики заставляют и их включить в ряды краеведов.

В данном случае проявляются свойства отечественного краеведения, с одной стороны, как междисциплинарной науки, чья методология и методика сокрыты в ее составляющих (истории, географии, топонимике и т.д.), а с другой – как общественного движения, конечная цель которого заключается не в достижении научной истины, а в выработке знания, которое могло бы стать важным инструментом социально-политических взаимодействий, в частности борьбы за свои права. Понимание этого заставляет рассматривать академическое сообщество в качестве лишь одной из структур иерархии современного российского корпоративного социума. Выход за пределы «зоны комфорта», т.е. за корпоративные границы, заключается в признании права других корпораций (вернее, гражданских ассоциаций, коими являются независимые сообщества краеведов) «говорить о прошлом». Это не значит, что профессиональные историки из побуждений «политкорректности» должны признавать «новую хронологию», «пассионарную теорию» или «русское происхождение этрусков и гиперборейцев-арийцев». Наоборот, используя подобные пассажи в качестве объекта изучения, специалистам в адептах этих идей необходимо видеть гражданские сообщества, пытающиеся выстраивать пусть и мифическое, но актуальное для определенных социальных слоев «новое прошлое» (могу ошибаться, но я не встречал менторского тона протестов «западных» академических ассоциаций против изображения в кинофильмах средневековых европейских королей и рыцарей с черным цветом кожи, тогда как отечественные профессиональные историки часто активно и безапелляционно-доминирующе «борются за историческую правду», которая, впрочем, нередко оказывается актуальной идеологемой (см., например: [Фильм «Орда»...])).

В конкретных непрофессиональных краеведческих работах «глобальные» идеологемы «фольк-хистори» встречаются нечасто. В основном же это попытки описательных исследований, с плотным массивом фактов в позитивистском духе и «наивной» методологией или отсутствием оной. Также следует напомнить, что сама академическая корпорация «выходит на контакт» с остальным обществом обычно через своих высокопоставленных администраторов, которые рассказывают о прошлом в русле актуальной для государства идеологически заданной наивной методологии, тогда как выводы профессиональных исследований остаются «внутри корпорации» – на страницах малотиражных изданий (попытки «несанкционированных» контактов историка с обществом через СМИ для самого историка обычно заканчиваются не самым лучшим образом (см., например: [Евдокимова, 2015])). Таким образом, в системах координат гражданского общества профессиональная историография и «любительское» краеведение оказываются равнозначными игроками, причем значение непрофессиональных штудий для становления гражданской нации, может быть, даже весомее.

Общеизвестны факты бурного развития краеведения в относительно либеральные периоды российской истории, когда государство не купировало инициативы местных сообществ и они постепенно начинали осознавать свою самоценность, а также «догадываться» о том, что сумма нескольких деревень, волостей, губерний, а также страна в целом с ее «большой историей» являются умозрительными понятиями, тогда как их родной край с его прошлым и настоящим — это реальное место их жизни «здесь и сейчас».

В контексте (нео)колониального подхода общегосударственный исторический нарратив предстает «столичным краеведением», изучающим историю столичного города с его раскинувшимися на тысячи километров «пригородами». Недоверие государства к самостоятельным «разговорам о прошлом» сродни запрету на легальную покупку и хранение гражданами оружия — ограниченными правами на то и другое наделены лишь определенные и подконтрольные властям корпорации историков и силовиков (в тех же США, как известно, дело обстоит иначе).

Нестоличные местные сообщества по уровню мнемонического молчания схожи, как указывалось выше, с сообществами иммигрантов (иная ситуация на «Западе» [Линченко, 2021]). Оказываясь на территории России, иммигранты, несмотря на то, что они пока еще не граждане, становятся тем не менее частью российского общества, вступают с отдельными его компонентами (особенно государством) во взаимоотношения, и таким образом им находят место в отечественных иерархиях. Кроме административно-территориальной, иммигранты оказываются на нижней ступеньке негласной, но, как это ни странно, конституционно закреплённой иерархии этнической, следуя в ней за русскими («государствообразующим народом»), «титულными этносами» в регионах и остальными российскими «коренными национальностями». В связи с тем, что иммигранты воспринимаются и осмысливаются в этническом ключе, то и адаптация, и интеграция связываются в основном с процессами приобщения к российским традициям, в том числе и к традиции исторической.

Анализ содержания экзамена по истории для лиц, желающих получить гражданство, не оставляет сомнений в том, что знать иммигранты должны лишь русско-православную историю, т.е. «вершки» общефедерального метанарратива. Однако иммигрант приезжает на новое место жительства не в Россию в целом, а именно в конкретное «место жизни» — реальный населённый пункт, который по «принципу матрешки» вообразается внутри какого-либо района, затем региона, федерального округа и, наконец, страны в целом. Возникает закономерный вопрос: какие перспективы мнемонической интеграции открываются для иммигранта, живущего в селе Столбищи Лаишевского района Татарстана, когда на экзамене по истории для получения временного вида на жительство он отвечает на вопросы типа «Христианство на Руси было принято при князе...», «Ф.М. Достоевский — это известный русский...», «Символ Санкт-Петербурга — это...»? [Пробный тест...]. У иммигрантов имеются собственные представления об истории «страны исхода», и формальное, дополненное стрессом получения важных документов, знакомство с узловыми точками российского исторического метанарратива вряд ли простимулирует самостоятельный интерес к

прошлому новой для них страны. К тому же, если внимательно проанализировать общефедеральный канон истории, то нетрудно убедиться в том, что, во-первых, места в нем для памяти иммигрантов нет, во-вторых, сами они, как говорилось выше, оказываются далеко не на первом месте в иерархии российских национальностей, за которыми той же исторической традицией «зарезервированы» ареалы обитания внутри государственных границ. Актуализация специальными организациями (например, «Домами дружбы народов») памяти о культурном, экономическом, политическом и военном взаимодействии между народами (государствами) в прошлом будет носить (и носит) поверхностный характер, т.к. очень редко касается иммигранта и его семьи лично и все равно оставляет их в статусе «гостей».

Подходящие для полноценной адаптации и интеграции «диффузные мембраны» исторической памяти иммигрантов, на мой взгляд, находятся на уровне их семейной и местной территориальной памяти. Переезжая в чужую страну, иммигрант вряд ли вспоминает раскрученные исторические бренды своей родины. Он помнит свою малую родину, места детства, не интересные туристам объекты вроде старого дома по соседству, несколько холмов рядом (на деле – средневековых курганов) и т.д. На новом месте жительства естественна попытка создания нового для себя историко-культурного ландшафта, в чем может помочь краеведение.

Объединение усилий двух «молчаливых» мнемонических акторов, на мой взгляд, имеет перспективы достижения интересных результатов в плане культурной адаптации и интеграции иммигрантов. При подобных процессах относительно большого официального нарратива происходит лишь приспособление к новому для «пришлых» символическому пространству, тогда как в плане местной «краеведческой» истории иммигранты сами становятся частью этой истории, равноправным актором конструирования прошлого, а через него и настоящего. Исчезает схоластичность исторических образов, они становятся важной составляющей повседневной жизни, а через разработку «краеведческих сюжетов» профессиональными историками могут «пошатнуться» и корпоративные границы академического сообщества, и оно сможет активнее участвовать в жизни гражданского общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Десять подарков от регионов получит Астана к своему 20-летнему юбилею.

1.03.2018 г. URL: <https://informburo.kz/novosti/desyat-podarkov-ot-regionov-poluchit-astana-k-svoemu-20-letnemu-yubileyu.html> (дата обращения – 1 сентября 2022 г.).

Евдокимова Д. Урок историку. 10.02.2015. URL: <http://www.tatarnews.ru/articles/8145> (дата обращения – 1 сентября 2022 г.).

Галлямов Р.Ф., Давлетшина Д.С., Ахметзянов М.И. и др. История Лаишевского края. [Б. м.], 1997. 260 с.

Кировский район в годы Великой Отечественной войны. 21.07.2020 г.. URL: <https://protradnoe.ru/news?id=9108> (дата обращения – 1 сентября 2022 г.).

Краеведение. Акмолинская область: учебник для учащихся 5 класса общеобразовательной школы. Часть I + CD. Сост. А.С. Кунанбаева, Ш.Т. Бектасов, И.Г. Плачинта, А.К. Ахетова, Н.А. Ахат. Кокшетау: Келешек-2030 баепасы, 2020. 64 с.

Линченко А.А. Миграция и миграционные сообщества в фокусе memory studies // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 2. С. 6–16.

Овчинников А.В. К проблеме преемственности советских и постсоветских региональных национальных историй: по материалам ТАССР/Татарстана // Историческая память в постнациональном мире: мифы, ритуалы, репрезентации. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции. Саратов: ИЦ «Наука», 2017. С. 86–96.

Овчинников А.В. «Русский мир», «татарский мир» и «история кряшен»: исторические составляющие (нео)колониальных мифов в современном Татарстане // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Вып. 9(95). URL: <https://sochum.ru/s207987840012219-9-1/> (дата обращения – 1 сентября 2022 г.).

Пробный тест онлайн по истории для ВНЖ («вида на жительство»). URL: <https://rf-test.ru/testonline-vnj-history/> (дата обращения – 1 сентября 2022 г.).

Тагиров И. Город, устремленный в века // Татарстан. 2005. № 12. С. 36.

Фильм «Орда»: татары возмущены «искажением истории». 14.09.2012. URL: <https://aif.ru/culture/36127> (дата обращения – 1 сентября 2022 г.).

Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 591 с.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛО, 2013. 448 с.

REFERENCES

Desyat' podarkov ot regionov poluchit Astana k svoemu 20-letnemu yubileyu [Astana will receive ten gifts from the regions for its 20th anniversary]. 1.03.2018. Available at: <https://informburo.kz/novosti/desyat-podarkov-ot-regionov-poluchit-astana-k-svoemu-20-letnemu-yubileyu.html> (accessed 1 September 2022).

Evdokimova D. Urok istoriku [Lesson to the historian]. 10.02.2015. Available at: <http://www.tatarnews.ru/articles/8145> (accessed 1 September 2022).

Gallyamov R.F., Davletshina D.S., Ahmetzyanov M.I. i dr. Istoriya Laishevskogo kraya [History of the Laishevsky region]. [B. m.], 1997. 260 p. (in Russian).

Kirovskij rajon v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Kirovsky district during the Great Patriotic War]. 21.07.2020. Available at: <https://protradnoe.ru/news?id=9108> (accessed 1 September 2022).

Kraevedenie. Akmolinskaya oblast': uchebnik dlya uchashchihsya 5 klassa obshcheobrazovatel'noj shkoly [Local history. Akmola region: textbook for 5th grade students of secondary school]. CHast' I + CD. Comp. A.S. Kunanbaeva, SH.T. Bektasov,

I.G. Plachinta, A.K. Ahetova, N.A. Ahat. Kokshetau: Keleshek-2030 baepasy, 2020. 64 p. (in Russian).

Linchenko A. A. Migraciya i migracionnye soobshchestva v fokuse memory studies [Migration and migration communities in the focus of memory studies], in Tempus et Memoria. 2021. Vol. 2. No. 2. Pp. 6–16 (in Russian).

Ovchinnikov A.V. K probleme preemstvennosti sovetskikh i postsovetskikh regional'nyh nacional'nyh istorij: po materialam TASSR/Tatarstana [On the Problem of Continuity of Soviet and Post-Soviet Regional National Histories: based on the materials of the TASSR/Tatarstan], in Istoricheskaya pamyat' v postnacional'nom mire: mify, ritualy, reprezentacii. Sbornik statej po itogam Vserossijskoj nauchnoj konferencii [Historical memory in the post-national world: myths, rituals, representations. Collection of articles on the results of the All-Russian Scientific Conference]. Saratov: "Nauka" Publ, 2017. Pp. 86–96 (in Russian).

Ovchinnikov A.V. "Russkij mir", "tatarskij mir" i "istoriya kryashen": istoricheskie sostavlyayushchie (neo)kolonial'nyh mifov v sovremennom Tatarstane ["Russian World", "Tatar World" and "History of Kryashens": historical components of (neo)colonial myths in modern Tatarstan], in Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya". 2020. Is. 9(95) (in Russian). Available at: <https://sochum.ru/s207987840012219-9-1/> (accessed 1 September 2022).

Probnyj test onlajn po istorii dlya VNZH ("vida na zhitel'stvo") [Online history trial test for a residence permit ("residence permit")]. Available at: <https://rf-test.ru/testonline-vnj-history/> (accessed 1 September 2022).

Tagirov I. Gorod, ustremленный v veka [A city looking forward to the ages], in Tatarstan. 2005. No. 12. P. 36. (in Russian).

Fil'm "Orda": tatory vozmushcheny «iskazheniem istorii» [The film "Horde": Tatars are outraged by the «distortion of history»]. 14.09.2012. Available at: <https://aif.ru/culture/36127> (accessed 1 September 2022).

Shnirel'man V.A. Vojny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Wars of Memory: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow: "Akademkniga" Publ., 2003. 591 p. (in Russian).

Etkind A. Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii [Internal colonization. The Imperial Experience of Russia]. Moscow: NLO Publ, 2013. 448 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 10.02.2023

DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-202-212

УДК 94(47).084.9

«МАЛЫЙ РАДИУС» БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА: МНОЖЕСТВЕННЫЕ ЛОКАЛЬНОСТИ И ГЕТЕРОТОПИЯ ПАМЯТИ В «БЛОКАДНОЙ КНИГЕ» А. АДАМОВИЧА И Д. ГРАНИНА

Павловская Анастасия Юрьевна

Центр изучения эго-документов «Прожито»;
Европейский университет в Санкт-Петербурге;
Институт изучения обороны и блокады Ленинграда,
Государственный мемориальный музей
обороны и блокады Ленинграда,
Санкт-Петербург, Россия
pravlovskaya@eu.spb.ru

Аннотация. В статье исследуются стратегии работы с памятью о блокаде Ленинграда, которые Д.А. Гранин и А.М. Адамович использовали при написании «Блокадной книги». Для обозначения новизны подхода писателей вводятся понятия «утопической» и «гетеротопической» памяти: первая свойственна официальному дискурсу о блокаде, стремившемуся к генерализации и глорификации, и отдельным художественным произведениям 1960–1970-х гг. Авторы «Блокадной книги», напротив, избрали, как это демонстрируется в статье, стратегию показа блокадного прошлого через частные истории и свидетельства, которые писатели собирали самостоятельно. Работая в жанре «репортажа с места исторических событий», они стремились показать блокаду Ленинграда «на малом радиуса».

Ключевые слова: память о Великой Отечественной войне, память о блокаде Ленинграда, блокада Ленинграда, memory studies, локальная память.

“INNER RADIUS” OF THE SIEGE OF LENINGRAD: MULTIPLE LOCALITIES AND HETEROTOPY OF MEMORY IN “THE SIEGE BOOK” BY A. ADAMOVICH AND D. GRANIN

Pavlovskaja Anastasiia Yu.

“Prozhito” Center for the Study of Ego-Documents;
European University at St. Petersburg;
Institute for the Study of the Siege and Defense of Leningrad,
State Memorial Museum of the Siege and Defense of Leningrad,
St. Petersburg, Russia
apavlovskaya@eu.spb.ru

Abstract. The article examines the strategies of dealing with the memory of the siege of Leningrad, which D.A. Granin and A.M. Adamovich chose while writing “The Siege Book”. The concepts of “utopian” and “heterotopic” memory are introduced in order to indicate the novelty of the writers’ approach: the first one is the feature of the official discourse on the blockade and individual works of art of the 1960s and 1970s, which sought generalization and glorification. As it is shown in the article, the authors of “The Siege Book”, on the contrary, chose the strategy of showing the blockade past through private stories and testimonies that writers collected on their own. Working in the genre of “reporting from the scene of historical events”, the authors sought to show the Siege of Leningrad “on an inner radius”.

Keywords: memory of the Great Patriotic War, memory of the siege of Leningrad, siege of Leningrad, memory studies, local memory.

Цитирование: Павловская А.Ю. «Малый радиус» блокады Ленинграда: множественные локальности и гетеротопия памяти в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 2. С. 202–212. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-202-212 / Pavlovskaja A.Yu. “Inner Radius” of the Siege of Leningrad: Multiple Localities and Heterotopy of Memory in “The Siege Book” by A. Adamovich and D. Granin, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 2. Pp. 202–212. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-202-212.

© Павловская А.Ю., 2023

«Блокадная книга» Алеся Адамовича и Даниила Гранина сегодня, спустя более сорока лет после первой публикации, является одним из главных текстов о блокаде Ленинграда. Это сложным образом устроенная книга, в которой авторы являются проводниками в богатом документальном материале — отрывках из дневников ленинградцев и воспоминаний блокадников. Несмотря на сложную публикационную и цензурную историю книги, в 1977 г. вышла первая, а в 1981 — вторая ее часть, и это событие, как показал отклик читателей, имело огромное значение для жителей Ленинграда, прежде всего блокадников. Цель этой статьи — проанализировать то, как в процессе создания и рецепции «Блокадной книги» проявлялись и формировались локальные ленинградские памяти о блокадном прошлом города.

Изучение официальных коммеморативных практик и рецепции блокады Ленинграда в культуре — сегодня одно из самых популярных направлений *memory studies* в России [Павловский, 2022]. Эти исследования показывают, что начиная с 1942 г. в официальном дискурсе главное место занимало «утопическое» представление о блокаде Ленинграда, то есть о месте, в котором все горожане как единое сознательное тело вступили в борьбу со стихийными силами зла и совершили самопожертвование ради будущего следующих поколений. В этой картине мира партикулярное внимание к тому или иному персонажу сводилось к описанию подвигов конкретных героев (моряков, танкистов, пехотинцев, ополченцев и т.д.), по большей же части жители блокированного города описывались как совокупность различных значимых групп (дети и подростки, женщины, интеллигенция, коммунисты, рабочие и др.), которые воспринимаются как функциональные части ленинградской общности, одержавшей победу [Воронина, 2018].

С конца 1960-х гг. начинается постепенное размытие таких форм памятования: начинается публикация блокадных дневников и других автобиографических текстов, получает развитие инициированная Г.Л. Соболевым и В.М. Ковальчуком дискуссия о числе жертв блокады Ленинграда, за скобками которой находилась идея о ценности и важности каждой жизни [Ковальчук, Соболев, 1965]. «Блокадная книга», первая часть которой была опубликована в 1977 г., не была первым текстом, представляющим новый — гетеротопический — взгляд на блокаду Ленинграда, однако именно в этом тексте на первый план был выведен сам прием: представлено множество «спорящих», по выражению авторов, голосов, сделан акцент не на реконструированное прошлое, а на память свидетелей спустя тридцать пять лет после блокады. Под гетеротопией (в противоположность утопии) свидетельств в этой статье понимается принцип представления прошлого от лица конкретного человека, возможность смотреть на «большую историю» как на фрагмент, глазами индивида, потому что в этом заключается большая гуманистическая ценность. Гетеротопия свидетельств — это, помимо прочего, и этический императив, представление о том, что чем больше индивидуальных свидетельств бытует в публичном пространстве, тем лучше для всеобщей памяти, даже если эти свидетельства противоречат друг другу.

Идея локализации и персонификации памяти о блокаде возникла почти сразу: инициатором создания книги был Алесь Адамович, белорусский писатель, в соавторстве с Я. Брылем и В. Колесником опубликовавший в 1975 г. на белорусском языке документальную книгу «Я из огненной деревни...», в которой были собраны свидетельства жителей уничтоженных в период немецкой оккупации белорусских деревень. В апреле того же 1975 г. он и знаменитый ленинградский писатель Даниил Гранин начали работу по сбору интервью с жителями блокадного Ленинграда. Скептически настроенный к замыслу книги Гранин (ленинградец, но не свидетель блокады, полагавший, что «про блокаду все известно») оценил всю ценность замысла Адамовича после проведения первого интервью – с Марией Степанчук. С удивлением для себя писатель обнаружил не только то, что свидетельства блокадников значительно отличаются от тех нарративов, которые существовали на тот момент в публичном пространстве, но и что сама идея локализации, внимания к конкретным людям и их историям могла бы стать основой для всей книги. Позднее Гранин вспоминал: «Я увидел, что существовала во время блокады неизвестная мне внутрисемейная и внутридушевная жизнь людей, она состояла из подробностей, деталей, трогательных и невероятных» [Гранин, 2005, с. 7].

Архив интервью, собранный в результате работы Гранина и Адамовича над «Блокадной книгой», был не первым собранием устных свидетельств о блокаде: еще в 1942–1945 гг. сотрудники Ленинградского отделения Института истории партии начали запись разговоров со свидетелями блокады Ленинграда. Беседы эти, однако, велись по строгому опросному листу, а многие вопросы в них уже содержали скрытый подразумеваемый ответ, в подавляющем большинстве случаев отсылающий к «утопическому» нарративу. Кроме того, «респондентская база» набиралась партийными историками по «социологическому» принципу: рекомендовалось проводить беседы с партийными и комсомольскими работниками, а также представителями определенных профессий – рабочими конкретных заводов, милиционерами, деятелями культуры и пр.

Гранин и Адамович с самого начала избрали принципиально иную стратегию сбора устных свидетельств. Писателям не были важны ни социальное происхождение, ни профессия, ни возраст респондентов. Первоначально они предприняли попытку найти информантов при помощи организации «Союз юных участников обороны Ленинграда», однако вскоре от этой идеи отказались – возможно, писателей не устраивала как раз «утопическая» картина блокадного города, образ которой эксплуатировали руководители объединения. В 1976 г. на Ленинградском радио Даниил Гранин обратился к ленинградцам с просьбой рассказать о своем опыте жизни в блокадном Ленинграде. Результатом стал большой архив писем с предложением дать интервью, а в некоторых случаях и с письменными воспоминаниями. Однако чаще всего при поиске респондентов Гранин и Адамович использовали тактику, которая в современной социологии и устной истории получила наименование «метод снежного кома» – когда один респондент рекомендует интервьюеру других респондентов. По выражению Даниила Гранина: «блокадники передавали нас друг другу».

Писатели принципиально не создавали опросников: многие интервью не имеют четкой структуры, и сами вопросы формировались в процессе рассказа. По замыслу авторов течение интервью должно быть плавным, это должен был быть полноценный связный рассказ, а не опрос. «Многое решал талант рассказчика», – говорил Д.А. Гранин [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-107, оп. 6, д. 6, л. 24]. Писатели искали цельных рассказов для того, чтобы использовать их с минимальными авторскими вставками: «примерно из десяти рассказов один, как правило, был гениальный рассказ; два-три рассказа – талантливых, очень интересных. Но все равно, даже из невнятных иногда рассказов, из рассказов малоудачных все равно находились детали и подробности впечатляющие» [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-107, оп. 6, д. 6, л. 24].

Блокадница Лидия Усова, одна из первых информанток, чтобы проиллюстрировать свои воспоминания, во время интервью постоянно обращалась к обстановке своей комнаты, в которой она с семьей жила и во время блокады: «Самое тяжелое время в Ленинграде – это сорок второй год, как известно. Но мы встречали 42-й Новый год вот в этой комнате. Уже совершенно замороженной. На этом месте стояла буржуйка. Вывод трубы был от нее вот в тот вентилятор. Видите желтое пятно? Его ничем не замазать, потому что здесь буржуйка стояла» [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-107, оп. 3, д. 414, л. 1]. Из этой ситуации, которая независимо от писателей продолжалась в других разговорах [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-107, оп. 3, д. 334], постепенно выработался метод – в последующих разговорах писатели сознательно начинали интервью с вопроса, жил ли респондент в этой комнате, зная, что это запустит процесс воспоминания, «меня-памяти» [Ассман, 2014, с. 128–132].

Внимание к локальному стало точкой сборки всей книги. Об этом свидетельствуют самые первые ее предложения, появившиеся в самых ранних черновиках: «У этой правды есть адреса, номера телефонов, фамилии, имена. Она живет в ленинградских квартирах, часто с множеством дверных звонков – надо только нажать нужную кнопку, возле которой значится фамилия, записанная в вашем блокноте» [Адамович, Гранин, 2020, с. 21]. По всей книге при упоминании свидетеля даются их адреса (например: «мы делали свою первую запись, приехав к Марии Гурьяновне Степанчук (ул. Шелгунова, д. 8)» [Адамович, Гранин, 2020, с. 40]). Цитируя воспоминания блокадников, авторы книги намеренно оставляли подробности, связанные с топографией Ленинграда (улицами, реками, мостами, конкретными зданиями) – это добавляло достоверности рассказам блокадников. Аутентичность места, его аура позволяли читателю конца 1970-х гг. соотнести опыт жителей блокадного Ленинграда со своим повседневным опытом.

Одна из ключевых метафор в книге, также отсылающая к локальности – «большой» и «малый радиусы» – была заимствована из дневника Георгия Князева, историка, архивиста и автора блокадного дневника, одного из главных героев второй части «Блокадной книги». Князев в дневнике стремился описать свою частную жизнь и профессиональную деятельность в период больших испытаний: «я ведь пишу не историю моего страшного времени со всем необъятным множеством различных

фактов, не занимаюсь их обобщением, объяснением. Я записываю то, что делается на моем малом радиусе» [Князев, 2009, с. 43].

Активное использование блокадных дневников в книге объясняется, с одной стороны, представлением о статусе дневника как свидетельства и его документальной аутентичности, с другой стороны – желанием показать «малые радиусы» других людей. Для авторов «Блокадной книги» статус дневника как свидетельства был несравненно выше. Это хорошо видно по фразе из рабочих материалов к книге: «Для начал[ьных] глав важно – из дневников дать. Там лучше это – как зловеще и неожиданно это открылось – голод. А дальше уже “щепу” из рассказов» [Из записных книжек..., 2020, с. 643]. В 2000-е гг. Даниил Гранин вспоминал: «для нас они [дневники] имели особую ценность, потому что это были не воспоминания, куда примешивались уже какие-то посторонние звуки и мотивы, а это была подлинная жизнь тех дней, подлинные ощущения, подлинные события, числа. Все было абсолютно достоверное» [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-107, оп. 6, д. 6, л. 76]. Существующее сегодня представление о блокадном дневнике как одном из главных символов блокады Ленинграда в 1970-е гг. находилось еще в процессе формирования: их почти не публиковали, очень редким было употребление словосочетания «блокадный дневник». «Блокадная книга» стала одним из тех текстов, которые сформировали это представление: если первая часть, опубликованная в 1977 г., содержала лишь одну главу, посвященную феномену блокадного дневника, и цитаты из них, то вторая (1981), которую Алесь Адамович называл «дневниковой», почти целиком была посвящена двум текстам – дневникам Юры Рябинкина и Георгия Князева.

Описанный выше процесс сбора архива (интервью, дневники и воспоминания) лишал писателей возможности раннего составления плана всей книги – ее замысел, так же как и само тематическое деление, несколько раз менялся в процессе работы. Идея выстроить повествование вокруг зимних месяцев 1941–1942 г., впоследствии реализованная в финальной версии книги, родилась достаточно поздно, через год после начала работы. В записных книжках Адамович так описывал план повествования: «Вначале – приближение этих м[есяц]ев и непонимание, что идет самое страшное – голод, неспособность осознать эту, “изнутри” уже, а не извне (прорыв немцев в Л[енинград]), опасность. И вот нет ничего – ни-че-го! Чел[овек] осматривается, ищет. И видит – падают, уже трупы лежат, уже мрут! Из этой главы выступит, как центр ее, – голод, во всем страшном, что в нем идет» [Из записных книжек..., 2020, с. 643].

Такой подход к выстраиванию нарратива о блокаде Ленинграда для конца 1970-х гг. можно назвать уникальным: до сих пор источники, художественные приемы и – реже – свидетельства выстраивались в удобном для автора ключе, лишь «нанизывались» на предлагаемый им нарратив. Гранин и Адамович позволили блокадникам и их историям повести повествование за собой – так, на основе только сопоставления интервью, появилась глава «У каждого был свой спаситель». Нельзя, однако, утверждать, что агентность источников была в данном случае выше агентности авторов: некоторые документы – стенограммы интервью, присланные

дневники и воспоминания — писатели не использовали, некоторые цитировали неточно. Отдельные существенные фрагменты из интервью могли оставаться неиспользованными по цензурным соображениям: в финальной версии «Блокадной книги» есть отдельная глава, основывающаяся на интервью с Марией Ивановной Дмитриевой, во время блокады — сотрудницы ЖАКТа Кировского района Ленинграда¹. Глава, посвященная ей, почти целиком состоит из текста интервью, однако из него изъят очень большой фрагмент, посвященный канибализму, свидетельницей проявления которого была Дмитриева, т.к. в ее обязанности входил обход квартир [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-107, оп. 3, д. 346].

Новаторство «Блокадной книги» заключалось и в том, что это один из первых опытов рефлексивного описания памяти о блокаде Ленинграда: в блокадной книге активно используются словосочетания «ленинградская память» и «блокадная память». Впечатленные социальной неустроенностью блокадников, авторы «Блокадной книги» писали: «Ленинградские дома, квартиры блокадников. Вообразите себе солдата, который живет сегодняшним мирным бытом, но окружен теми же стенами, предметами, как бы все в той же землянке, в том же окопе. Следы осколков от снаряда на потолке (старинном, лепном), осколков стекла на глянце пианино. Пятно-ожог от “буржуйки” на блестящем паркете» [Адамович, Гранин, 2020, с. 21].

Действие первой книги происходит не в 1941–1942 гг., как может показаться читателю, а в конце 1970-х гг., когда свидетели блокады вспоминают о событиях тридцатипятилетней давности. В процессе сбора интервью писатели обнаружили важную точку напряжения: люди, пережившие блокаду Ленинграда, рассказывали им о своем недовольстве мемориальной культурой, о непредставленности их точки зрения в публичном пространстве.

Процесс работы над «Блокадной книгой» ясно высветил, что в Ленинграде 1970-х гг. не было одной локальной памяти о блокаде. Напротив, существовало несколько памятей, «спорящих голосов» — название одной из глав книги: государственная память о блокаде — выраженная в мемориалах, официальных текстах, в культуре (например, киноэпопея М. Ершова «Блокада» по одноименному роману А. Чаковского, вышедшая на экраны во время написания «Блокадной книги»), память атомизированного сообщества блокадников, чувствовавших свою социальную незащищенность, и память ленинградцев, которые не были свидетелями блокады, слабо выраженная в 1970-е гг. Первая часть книги полна многочисленными жалобами блокадников на молодое поколение 1970-х гг., уже не заставшее блокаду и оттого, как им кажется, цинично к ней относящееся. Эту молодежь, ставящую под сомнение рассказы собственных родственников или говорящую о необходимости сдачи города немецким войскам, авторы блокадной книги называют «моральными дистрофиками» — заимствованное из блокадного лексикона выражение [Адамович, Гранин, 2020, с. 43].

¹ Глава «Эта вечная Мария Ивановна!». Гранин также предлагал вынести слова Дмитриевой в подзаголовок первой части книги — «Если все действительно рассказать...». [Люди хотят знать..., 2021, с. 48–49].

Общаясь с блокадниками, чье положение сильно отличалось от официально озвученного, Д. Гранин и А. Адамович неизбежно сталкивались с многочисленными жалобами, вскрывающими конфликт между «монументальным» и «социальным» временем [Herzfeld, 1991] памяти о блокаде – между героической памятью о мертвых и забвением выживших, игнорированием их нужд. Как говорила в беседе с Алесем Адамовичем Мария Брудинская: «сейчас нас обижает и трогает, что только о мертвых помнят блокадниках, а живые? Абсолютно как будто бы нас и не было. <...> Почему бы не построить большой дом для престарелых блокадников, где бы они могли жить? Ведь, вы знаете, большинство ведь одиночки остались. Я бы сама бросила эту квартиру и пошла бы туда, потому что тяжело. <...> Нам живым не нужны эти памятники и показуха. Нам нужно, чтобы вот эти несчастные люди, хоть и в остатке своих лет, пожили бы по-настоящему» [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-107, оп. 4, д. 406, л. 1–2].

После публикации «Глав из Блокадной книги» в «Новом мире» в 1977 г. [Адамович, Гранин, 1977] на писателей – прежде всего Даниила Гранина – обрушился шквал писем читателей, в подавляющем большинстве восторженных [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-107, оп. 3, д. 263–267; ЦГАЛИ СПб., ф. Р-107, оп. 4, д. 284–285]. Эти письма, написанные в основном блокадниками, продемонстрировали, какую важную струну заделали писатели. С одной стороны, эта реакция была эмоциональной: чтение «Блокадной книги» заставляло блокадников вспоминать о собственном опыте, осмыслять этот опыт как травму, превращать его в нарратив, в котором они пытались сформулировать свою этическую позицию по поводу блокады, оценить свое поведение в прошлом. Для многих из ленинградцев эта задача была непростой: многие из них признавались, что им не хватало решимости мысленно вернуться в прошлое, и лишь «Блокадная книга» давала путь к обретению нового языка описания произошедшего с ними. С другой стороны, реакция на книгу была социальной: воспринимая Д. Гранина и А. Адамовича как посредников между блокадниками и властью, между старшим и молодым поколением, авторы писем считали, что благодаря публикации «Блокадной книги», ее продолжений, а главное, архива свидетельств, которые останутся в результате сбора интервью, дневников, воспоминаний, государство и молодежь начнут с уважением относиться к пережившим блокаду, давая им ту материальную и психологическую поддержку, те минимальные привилегии, которые эти люди – зачастую одинокие, пожилые, травмированные, плохо устроенные в бытовом плане – заслуживают в силу пережитого ими страдания и проявленного ими героизма.

Часть писем, адресованная Д. Гранину и А. Адамовичу, принадлежала жителям других городов, солидарных с мнением, что блокадники получают недостаточно помощи государства. Эти отклики подтверждают гипотезу И. Каспэ о том, что в 1970–1980-е гг. память о блокаде представляла собой общесоветское пространство эмпатии – в глазах советских граждан блокадники имели особый статус, позволяющий им претендовать на привилегии в силу проявленного мужества и испытанного страдания [Каспэ, 2018, с. 335–404]. Вот как писал о блокадниках

В. Иванов из Северодвинска, служивший в осажденном Ленинграде до осени 1942 г.: «мне кажется, еще не все сделано, чтобы окружить их соответствующим вниманием. Я имею в виду тех, кто остался один и нет близких родственников. Мне вспоминается, когда лет 12 назад я попытался у Казанского собора в одном доме разыскать своего бывшего командира. <...> Подошел к квартире, нажал звонок. Вышла гражданка. Я спросил, не проживает ли сейчас кто-нибудь, кто был в блокаду. <...> пожилая женщина всматривается в меня, думая, что я принес ей весточку. Убранство — простая кровать, простые стулья, все просто. <...> Поднимаюсь этажом выше, такой же опрос, подобная живет гражданка, но не она. Я не смог дальше продолжить поиск...» [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-107, оп. 3, д. 265, л. 70–71].

История создания «Блокадной книги» и ее рецепции — сложный процесс, который показывает, насколько неоднородной и переменчивой была память о блокаде Ленинграда в 1970-е гг. Используя в своей книге принцип гетеротопии свидетельств, Даниил Гранин и Алесь Адамович работали с множеством локальностей. С одной стороны, это локальность современного писателям Ленинграда, в которой в непростых материальных условиях живут блокадники. Она разделена в сознании респондентов и читателей Гранина и Адамовича на локальность мемориальную (Пискаревское кладбище, мемориал на Средней Рогатке и пр.) и локальность социальную (коммунальные квартиры в центральных районах Ленинграда). Квартиры, городские пространства, рассеянные в нем «спусковые крючки памяти», отсылающие к воспоминаниям о прошлом, — все это становится, по выражению Л. Киршенбаум, палимпсестом памяти [Kirschenbaum, 2006]. В собранных интервью, дневниках и воспоминаниях отчетливо фиксируется локальность блокадного Ленинграда — память, «у которой есть адреса». Это конкретные места в Ленинграде, с которыми связаны истории гибели, страданий и спасения. В этой статье была предпринята попытка наметить контуры локального в памяти о блокаде Ленинграда 1970-х гг. «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича обозначила множественные локальности в пределах одного региона, но, рассказав о памяти о блокаде на страницах одного из самых читаемых журналов СССР, они высветили локальность большой страны 1970–1980-х гг., в которой находятся не-ленинградцы и не-блокадники, способные, однако, благодаря этой книге относиться к блокадникам с эмпатией и сочувствием.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. СПб: Азбука, 2020. 672 с.

Адамович А., Гранин Д. Главы из Блокадной книги // *Новый мир*. 1977. № 12. С. 25–158.

Ассман А. Длинная тень прошлого. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.

Воронина Т. Помнить по-нашему. Соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. М.: НЛО, 2018. 272 с.

Гранин Д. История создания «Блокадной книги» // Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. В 2-х кн. Кн. 1. М.: ТЕРРА, 2005. С. 3–15.

Из записных книжек Алеся Адамовича. Публ. Н. Адамович // Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. СПб: Азбука, 2020. С. 629–668.

Каспэ И. В союзе с утопией: смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 431 с.

Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. Ред. Н.П. Копанева. СПб.: Наука, 2009. 1218 с.

Люди хотят знать. История создания «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2021. 272 с.

Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. Ленинградский «реквием» (о жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады) // *Вопросы истории*. 1965. № 12. С. 191–194.

Павловский А.Ф. Культурная травма и современная историография: «Вторая волна» исследований памяти о блокаде Ленинграда (2016–2021) // *Историческая экспертиза*. 2022. № 1. С. 26–29.

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 265.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 334.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 346.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 414.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 406.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 6. Д. 6.

Herzfeld M. *A Place in History: Social and Monumental Time in a Cretan Town*. Princeton: Princeton University Press, 1991. 330 p.

Kirschenbaum L.A. *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments*. New York: Cambridge University Press, 2006. 309 p.

REFERENCES

Adamovich A., Granin D. *Blokadnaia kniga* [The Blockade Book]. St. Petersburg: Azbuka, 2020. 672 p. (in Russian).

Adamovich A., Granin D. Glavy iz Blokadnoi knigi [Chapters from the Blockade Book], in *Novyi mir*. 1977. No. 12. Pp. 25–158 (in Russian).

Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo* [The long shadow of the past]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 323 p. (in Russian).

Voronina T. *Pomnit' po-nashemu. Sotsrealisticheskii istorizm i blokada Leningrada* [Remember our way. Socialist realist historicism and the siege of Leningrad]. Moscow: NLO Publ., 2018. 272 p. (in Russian).

Granin D. Istoriia sozdaniia "Blokadnoi knigi" [The history of the creation of the Siege Book], in Adamovich A., Granin D. *Blokadnaia kniga* [The Blockade Book]. In 2 books. Book 1. Moscow: TERRA, 2005. Pp. 3–15 (in Russian).

Iz zapisnykh knizhek Alesia Adamovicha. Publ. by N. Adamovich [From the notebooks of Ales Adamovich. Publ. by N. Adamovich], in Adamovich A., Granin D. *Blokadnaia kniga* [The Blockade Book]. St. Petersburg: Azbuka, 2020. Pp. 629–668 (in Russian).

Kaspe I. *V soiuze s utopiei: smyslovye rubezhi pozdnesovetskoï kul'tury* [In alliance with utopia: semantic boundaries of late Soviet culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 431 p. (in Russian).

Kniazev G.A. *Dni velikikh ispytanii. Dnevniky 1941–1945* [Days of great trials. Diaries 1941–1945]. Ed. by N.P. Kopaneva. St. Petersburg.: Nauka, 2009. 1218 p. (in Russian).

Liudi khotiat znat'. Istoriia sozdaniia "Blokadnoi knigi" Alesia Adamovicha i Daniila Granina [People want to know. The history of the creation of the Blockade Book by Ales Adamovich and Daniil Granin]. St. Petersburg.: Izd-vo Pushkinskogo fonda, 2021. 272 p. (in Russian).

Koval'chuk V.M., Sobolev G.L. Leningradskii "rekviem" (o zhertvakh naseleniia v Leningrade v gody voïny i blokady) [Leningrad "requiem" (about the victims of the population in Leningrad during the war and blockade)], in *Voprosy istorii*. 1965. No. 12. Pp. 191–194 (in Russian).

Pavlovskii A.F. Kul'turnaia travma i sovremennaia istoriografiia: "Vtoraia volna" issledovaniï pamiati o blokade Leningrada (2016–2021) [Cultural Trauma and Modern Historiography: The "Second Wave" of Research into the Memory of the Siege of Leningrad (2016–2021)], in *Istoricheskaia ekspertiza*. 2022. No. 1. Pp. 26–29 (in Russian).

Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI SPb.). F. R-107. Inv. 3. D. 265.

TsGALI SPb. F. R-107. Inv. 3. D. 334.

TsGALI SPb. F. R-107. Inv. 3. D. 346.

TsGALI SPb. F. R-107. Inv. 3. D. 414.

TsGALI SPb. F. R-107. Inv. 4. D. 406.

TsGALI SPb. F. R-107. Inv. 6. D. 6.

Herzfeld M. *A Place in History: Social and Monumental Time in a Cretan Town*. Princeton: Princeton University Press, 1991. 330 p.

Kirschenbaum L.A. *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments*. New York: Cambridge University Press, 2006. 309 p.

Статья принята к публикации 28.05.2023

DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-213-226

УДК 94(47).084.9

«БОЛЬШОЙ РАДИУС» БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА: МНОЖЕСТВЕННАЯ ТРАНСЛОКАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В 1960–1980-е гг.¹

Павловский Алексей Федорович

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия

apavlovskiy@eu.spb.ru

Аннотация. Современная теория memory studies все больше обращается к проблеме транслокальности, свидетельствующей о сложных процессах производства, циркуляции и потребления памяти за пределами «национального», «культурного» или «локального» ящичного мышления. Как показывает автор на примере культурной памяти о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда в позднесоветскую эпоху 1960–1980-х гг., значимая память о блокаде необязательно создавалась там, где происходило это событие, а ее акторы отнюдь не мыслили ее как «локальный» феномен; блокада активно сравнивалась с другими событиями войны, а трагедия ее последствий происходила далеко за пределами города. Основываясь на архивных источниках (ЦГАЛИ, РГАЛИ, ЦГАИПД, архив «Мосфильма»), партийной историографии, идеологических текстах, литературе, кино и других посредниках памяти, автор обосновывает несколько подходов того, как можно изучать «большой радиус» памяти о блокаде – транслокальное измерение памяти о войне в «долгие семидесятые», выраженное во множественной транслокальности а) памяти об эвакуации, б) культурного производства, репрезентации и восприятия, а также в) «международной» памяти одной из самых масштабных катастроф XX в.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, культурная память, транслокальность, транснациональный поворот, memory studies, посредники памяти, советская память.

¹ Благодарю Алексея Миллера, Анастасию Павловскую и Арсения Моисеенко за полезные советы, полученные при написании этого текста.

THE “LARGE RADIUS” OF THE SIEGE OF LENINGRAD: MULTIPLE TRANSLOCALITY AND CULTURAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE 1960–1980s

Pavlovskii Aleksei F.

European University at St. Petersburg,

St. Petersburg, Russia

apavlovskiy@eu.spb.ru

Abstract. Contemporary theory and historiography of memory studies increasingly turns to the problem of translocality, testifying to the complex processes of memory production, circulation and consumption beyond the “national”, “cultural” or “local” box thinking. As the author shows with the example of cultural memory about the Great Patriotic War and the Leningrad blockade in the late Soviet era of the 1960s–1980s, meaningful memory about the Siege was not necessarily created where the event took place, and its actors by no means thought of it as a “local” phenomenon; the Siege was actively compared to other events of World War II, and the tragedy of its consequences took place outside of Leningrad. Drawing on archival sources (TsGALI, RGALI, TsGAIPD, Mosfilm Archive), as well as Party historiography, ideological texts, literature, film, and other media of war memory, the author substantiates several approaches to studying the “the large radius” of the Siege memory – translocal dimension of blockade memory in the “long seventies”, reflecting on the multiple translocality of a) the regional and Leningrad memory of the evacuation, b) the cultural memory of the siege (on the level of production, representation and perception), c) the “international” memory of the largest catastrophes of the 20th century.

Keywords: the Siege of Leningrad, the Great Patriotic War, cultural memory, translocality, transnational turn, memory studies, memory media, Soviet memory.

Цитирование: Павловский А.Ф. «Большой радиус» блокады Ленинграда: множественная транслокальность и культурная память о Великой Отечественной войне в 1960–1980-е гг. // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 2. С. 213–226. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-213-226 / Pavlovskii A.F. The “Large Radius” of the Siege of Leningrad: Multiple Translocality and Cultural Memory of the Great Patriotic War in the 1960–1980s, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 2. Pp. 213–226. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-213-226.

© Павловский А.Ф., 2023

Память о событии необязательно создается в месте, где оно происходило. Локальное событие иногда претендует на всеобщую память. «Большой радиус».

Память о блокаде Ленинграда 1941–1944 гг. — транслокальный феномен. Важная для Санкт-Петербурга [Павловская, 2023b, с. 110–118], эта память не замыкается в его пределах. В 2014 г. Д. Гранин произносит знаменитую речь в Бундестаге. Фильм «Дылда» получает приз на Каннском кинофестивале. Шоуранныер «Игры престолов» пишет о блокаде популярный роман. Акция «Блокадный хлеб» проходит по всей России, а «диаспоры» блокадников в Америке, Франции, Германии и Израиле празднуют 27 января 1944 г. как «День Победы для ленинградцев» [Гарганц, 2022]. Память о блокаде живет поверх границ, однако справедливо ли это для советского времени? Можем ли мыслить советскую память о блокаде *транслокально*? И что это может дать для понимания памяти войне в целом?

Транслокальный подход как часть транснационального поворота в *memory studies* заключается в стремлении выйти за пределы «национального» или «культурного» ящичного мышления. Теоретики памяти все чаще считают, что «нация» и «культура» — это два эссенциализирующих концепта, и они не всегда объясняют, как меняется и циркулирует память поверх границ и сообществ [Павловский, 2023]. Вместе с тем транслокальный подход переопределяет сам смысл «локального» [Rothberg, 2014; Tali, Astahovska, 2022]. Так, российские авторы, работающие в русле поворота к региональному измерению памяти, предлагают изучать, как взаимодействуют федеральные и локальные акторы на местах, как лоббируют интересы [Политика памяти в России, 2023, с. 5–23]. Транслокальный подход заостряет эту оптику, исследуя память о событии как точку сборки нарративов и символов, созданных в разных местах по разным причинам. Почему память о событии в одном месте так важна в другом? Где находятся ее акторы? Как локальное событие претендует на универсальную значимость? Все эти вопросы имеют прямое отношение и к памяти о событиях Великой Отечественной войны в советское и в постсоветское время.

Историография памяти о блокаде (см.: [Павловский, 2022]) переживает взлет, однако даже ее лучшие образцы [Kirschenbaum, 2006; Воронина, 2018; Wachter, 2021], за редким исключением [Каспэ, 2018], игнорируют транслокальную природу блокадной памяти. В свою очередь, как я показываю в этой работе, значимая память о блокаде в 1960–1980-е гг. необязательно создавалась там, где происходило это событие, а ленинградские акторы отнюдь не мыслили ее как «локальный» феномен; блокада сравнивалась с другими катастрофами XX в., а трагедия ее последствий происходила далеко за пределами города. Партийная историография и идеологические тексты, медиа и литература, кино и документы творческих и цензурных институций — все эти источники позволяют сделать такой вывод, если пытаться анализировать их с точки зрения транслокальности.

Цель исследования заключается в том, чтобы историзировать этот процесс и показать разные оптики его изучения: память о войне не сразу приобретает транслокальную природу, а «транслокальность» может означать несводимые друг к другу

вещи. Главный аргумент статьи: культурная память о блокаде Ленинграда уже в 1960–1980-х гг. имела черты множественной транслокальности — «большой радиус» а) памяти об эвакуации из Ленинграда; б) культурного производства, репрезентации и восприятия памяти о блокаде; в) «международной памяти». Такой подход усложняет понимание позднесоветской памяти о войне, того, кто на нее влиял и от каких неочевидных факторов она могла зависеть.

Память о блокаде была обречена стать транслокальной — колоссальное перемещение ленинградцев во время эвакуации оказало огромное влияние на развитие и память регионов Волги, Урала и Сибири. В 1941–1944 гг. из блокадного Ленинграда эвакуировались почти 1,5 млн горожан, сотни заводов, учреждений науки и культуры, расположившихся на территории «от Архангельска до Алтая». «Эрмитаж в Свердловске, театр оперы и балета им. С.М. Кирова в Молотове, военно-промышленный «Танкоград» ... на базе ... Кировского завода в Челябинске, Ленинградская симфония, написанная Шостаковичем в Куйбышеве» [Побратимы..., 2019, с. 5–7] — это наиболее известные и символически важные примеры такого взаимодействия. Обратной стороной «провинциализации» Ленинграда становилось резкое развитие регионов-«побратимов» [Побратимы..., 2019, с. 543], и «институциональная память» сотен предприятий и учреждений, «рожденных» от ленинградских в результате эвакуации, была наиболее зримым примером транслокальной памяти о блокаде. Одновременно эвакуация превращалась в неотъемлемую часть памяти учреждений, вернувшихся в Ленинград, — так, уже с середины 1960-х гг. эвакуация мировых шедевров занимала ключевое место в блокадной мифологии «подвига Эрмитажа» [Варшавский, Рест, 1965].

Такая «институциональная память» сосуществовала с индивидуальной памятью в воспоминаниях и эвакуационных дневниках блокадников [«Вы, наверное, из Ленинграда?», 2023], памятью местного населения о взаимодействии с беженцами [Побратимы..., 2019, с. 524–525]. Вплоть до начала Перестройки память ленинградцев, осевших в регионах эвакуации, была слабо институционализированной — в сравнении с обществами блокадников, появившимися в Ленинграде еще в конце 1960-х гг. [Воронина, 2018, с. 215–266; Wachter, 2022]. Только в конце 1980-х–начале 1990-х гг. эвакуированные заново конструируют ленинградскую идентичность и в регионах появляются филиалы «Жителей блокадного Ленинграда», боровшиеся за сохранение памяти о блокаде, а также за получение статуса жителя блокадного города со всеми льготами и социальным капиталом, полагавшимся ветеранам [Ярославская региональная общественная организация].

В отличие от социальной памяти, культурная память об эвакуации из Ленинграда развивалась на протяжении всех 1960–1980-х гг. В 1960-е гг. в фильмах «Спасенное поколение» (1959, Киностудия им. Горького) Ю. Победоносцева [Штейн, 1958] и «Вступление» (1963, Мосфильм) И. Таланкина эвакуация ленинградских детей и забота о них местных жителей подавалась как спасение поколения «будущих Гагариных» [РГАЛИ, ф. 2453, оп. 4, д. 241, л. 17]. Однако с середины 1970-х гг. такая безконфликтная соцреалистическая схема разрушается под влиянием

писателей — детей войны, ставивших знак равенства между трагедией блокады и беженства. В поэме «Хлеб наш насущный» (1974) О. Шестинский писал о гибели детей-блокадников при эвакуации на Алтай («Тысяча семьсот их было — прибыло семьсот!») [Молдавский, 1989, с. 63–64]. В романе «Вечный хлеб» (1984) М. Чулаки описывал двойную трагедию детей, эвакуированных из блокады на оккупированную Кубань [Чулаки, 1984]. Иными словами, главная трагедия блокадника могла произойти там, где он как раз надеялся спастись — на Большой Земле, связь с которой идеология интерпретировала в положительном свете [Воронина, 2018, с. 160–167].

Эта репрезентация эвакуации как трагедии также создавалась авторами, связанными с регионами. В фильме «Ленинградцы, дети мои...» (1980, Узбекфильм) Д. Салимов показывал гибель детей в эвакуопоезде, а сироты, усыновленные узбекскими женщинами, изображались как психически травмированные дети, не способные смириться со своим горем. Линия скорби от потери родителей соединялась с линией приобретенного родства, дружбы народов и интернационалистской мифологии матери-героини вроде Токтогон Алтыбасаровой, Александры Деревской, Бахри Акрамовой. Транслокальность памяти подкреплялась тем, что в качестве продолжения Салимов планировал снять фильм об эвакуации узбекских детей в Ленинград после Ташкентского землетрясения 1966 г., тем самым закольцовывая историю взаимного признания страданий [Абдуллаев, 1981].

Память об эвакуации не ограничивалась «детской» темой. Так, невозможность возвращения из нее была одной из тем «Памяти» (1975, Ленфильм) Г. Никулина [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-257, оп. 24, д. 781]. Помощь Большой Земли своеобразно показана в фильме В. Соколова «Встретимся в метро» (Ленфильм, 1986): московские метро-строители «превращались» в ленинградцев, организовывая Дорогу жизни [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-257, оп. 37, д. 34]. Эти примеры показывают, что память о блокаде — это отнюдь не память об одном Ленинграде, и ее символическая трансформация была связана со множеством регионов.

Культурная память о блокаде была результатом транслокального взаимодействия и за пределами эвакуации. Ее сложную транслокальность можно увидеть в трех измерениях: а) культурного производства, б) репрезентации и в) восприятия, из чего и складывается цикл бытования памяти о войне как института, нарратива и предмета рецепции.

Транслокальность культурного производства заключалась в том, что любые акторы памяти о блокаде находились и в локальной, и в советской системе производства и контроля. Партийные власти от ленинградского обкома до отдела культуры ЦК КПСС и Л.И. Брежнева, военные от чинов Ленинградского военного округа до маршалов Советского Союза и консультантов Минобороны, цензоры Главлита и Госкино, редакторы издательств и киностудий — все эти акторы распределяли между собой власть памяти — власть решения, выйдет ли в свет роман или киноэпопея о блокаде и в каком виде.

Эту сложную конфигурацию акторов нельзя сводить к таинственным «недрам советской пропаганды». В случае кино о блокаде Госкино и правда руководило повесткой, формулируя, какое кино ему нужно [Фомин, 1996, с. 312], но эту власть памяти приходилось делить с партией, военными, ситуативными интересантами, когда оказывалось, что генералу Федюнинского виднее, как изображать его в «Блокаде» (1973–1977) М. Ершова [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-257, оп. 24, д. 332], а директор музея был достаточно влиятельным, чтобы спасти спорный фильм о блокадном Эрмитаже от «полки» («Всегда со мною» (1976) С. Шустера) [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-257, оп. 24, д. 1017]. Автор мог найти союзников в системе контроля. З. Аграненко бежал от цензуры в Ленинграде и снял фильм «Ленинградская симфония» (1957) на «Мосфильме» [РГАЛИ, ф. 631, оп. 3, д. 459]; кино о гибели Петергофского десанта в 1941 г. сняли в Свердловске («Живые, пойте о нас!» (1966)); отчаявшись опубликовать «Блокадную книгу» в Ленинграде, Д. Гранин и А. Адамович нашли редакторов в «Новом мире» [Адамович, Гранин, 2020, с. 12–19]. И наоборот: когда Госкино отказывало московским авторам в поддержке, они обращались к Ленинградскому обкому за помощью, и это заставляло Госкино передумать («Пять дней отдыха» (1969) Э. Гаврилова) [АКМ, ф. 2453, оп. 8, д. 116]. Это не значит, что составлять альянсы было легко. Однако это значит, что власть памяти и забвения блокады не находилась в одном месте: то, что можно назвать «институциональной транслокальностью» памяти.

Транслокальность репрезентации имеет отношение к тому, какой статус блокадный Ленинград имел на разных уровнях коммеморации войны в 1960–1980-е гг. С точки зрения исторической политики ленинградских властей, прежде всего Г. Романова, ветерана Ленинградской битвы и первого секретаря Ленинградского обкома в 1970–1983 гг., «долгие семидесятые» были реваншем за уничтожение лидеров Ленинграда и реабилитацией памяти о его обороне, задавленной при Сталине. В рамках этой «ленинградоцентричной» памяти о войне, которой способствовала и высшая партийная элита (в 1965 г. Ленинград официально получил почетное звание «Город-Герой» и медаль «Золотая Звезда»), элита не только прославляла бывших руководителей (А. Жданова, А. Кузнецова), но пыталась уйти от показа обороны Ленинграда как локального сражения [Павловский, 2019]. Это отложилось в виде нескольких идеологем. Во-первых, ленинградцы первыми из жителей советских городов остановили гитлеровцев возле своих стен; во-вторых, если бы Ленинград («колыбель революции») пал, это значило бы моральное поражение большевизма, но они не дали этому случиться; в-третьих, блокадники отобрали у Гитлера победу, оттянув на себя силы, которые могли захватить Москву; наконец, весь СССР боролся за то, чтобы освободить Ленинград от блокады, но горожане разорвали кольцо изнутри, благодаря сверхчеловеческому напряжению сил [ЦГАИПД СПб., ф. 24, оп. 245, д. 86, л. 6–22]: блокадный Ленинград был местом, где во время войны решалась судьба всего Советского Союза.

В 1960–1980-е гг. такая риторика блокадной исключительности пронизывала многие тексты вне зависимости от того, что их авторы думали о природе советской власти.

Еще в 1950-е гг. в поэме «Ленинградский апокалипсис» Д. Андреева блокада приобретала черты события космического, едва ли не вселенского масштаба. «Человечество видело осаду Карфагена, Трои, Нумансии, Парижа, но осаду Ленинграда сравнить не с чем. Это была величайшая, ни с чем не соизмеримая трагедия», писал в 1962 г. А. Павловский в монографии о блокадном творчестве О. Берггольц [Павловский, 1962, с. 4]. В поэме «Дорога жизни» (1974) М. Дудин считал, что мировое сообщество обязано блокадникам спасением, ведь «чтобы другие дети могли смеяться, ленинградский подросток должен был умереть» [Воронина, 2018, с. 71–73]. Это не значит, что претензии на всемирную и общеисторическую значимость блокады единодушно принимались за пределами Ленинграда. Однако это значит, что были те, кто считал, что память о блокаде заслуживает статуса универсальной, а не локальной: то, что можно назвать «репрезентационной транслокальностью» памяти.

Наконец, *транслокальность восприятия* была параметром того, насколько акторы преуспели в том, чтобы сделать блокаду воображаемым пространством общесоветской эмпатии и горя. Интервью с не-ленинградцами и не-потомками блокадников, посещавшими Пискаревское кладбище в 1960–1980-е гг., демонстрируют, что они испытывали аффективную сопричастность с образом блокадного Ленинграда и судьбой его жителей, а мемориал становился катастрофическим «местом смерти», открывавшим портал в антиутопический «Ад» «осажденного города» – место персональной утраты [Каспэ, 2018, с. 335–404]. После выхода «Блокадной книги» эта эмпатия распространилась и на травму выживших. Читатели, откликнувшиеся на книгу из разных регионов СССР, считали, что блокадники заслуживают большей заботы и уважения со стороны властей и молодого поколения (см. подробнее: [Павловская, 2023a]). В середине 1970-х гг. такой дискурс сочувствия даже позволил воскресить образ акына Джамбула как утешителя блокадников из далекого Казахстана («Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!»). Это не значит, что память о блокаде добилась универсальной значимости в рамках Советского Союза. Однако это значит, что блокадники стали символической фигурой, заслуживавшей сочувствие от тех, кто не жил в Ленинграде: то, что можно назвать «транслокальностью восприятия», транслокальностью эмпатии.

Как бы горько это ни звучало, память о блокаде Ленинграда была обречена стать «международной». Помимо немецких войск, за гибель миллиона ленинградцев от голода, артобстрелов и бомбежек были ответственны финские, испанские, итальянские, бельгийские, голландские и норвежские военные части. Однако, как писал Н.А. Ломагин, «в материалах Нюрнбергского процесса попытка Советского Союза рассказать о блокаде как о преступлении против человечности и нарушении норм гуманитарного права не увенчалась успехом». Блокада не была признана геноцидом, а дополнительные протоколы к Женевским конвенциям о том, что голод не может быть орудием войны, были приняты лишь в 1977 г. [«Историки не должны спорить с небылицами»]. Травма блокады не была институционализована в юридической сфере должным образом. Однако у нее было много других черт, свидетельствовавших о транслокальности ее «международной» памяти.

В 1960–1980-х гг. немецкая память о блокаде Ленинграда в ФРГ формировалась за счет мемуаров и историографии, написанной нацистскими генералами. Блокада позиционировалась как «упущенная победа», а голод оправдывался как «обычный и неоспоримый метод ведения войны». Единственной жертвой блокады (!) нарекались солдаты вермахта как мученики, преданные недальновидным руководством, столкнувших их с численно превосходящим врагом. Однако, по мнению Й. Ганценмюллера, блокада так и осталась «второстепенным театром военных действий» в сознании жителей ФРГ, уступив место главной катастрофы Сталинградской битве. Жители ГДР были знакомы с этой историей куда лучше – описания блокады включались в школьную программу, ленинградцы описывались как герои-антифашисты, отстаившие социализм; уже в 1984 г. на немецкий была переведена «Блокадная книга» [Ганценмюллер, 2005].

Память о блокаде не стала значимой частью памяти о войне в англоязычном мире. Однако жизнь в осаде стала темой советологических сочинений: 1960-е гг. выходят книги Л. Гуре, А. Верта, Г. Солсбери. Эти книги касались страданий ленинградцев, преступности и практик контроля, того, о чем в СССР не писали или подавали в героическом свете [Ломогаин, 2006, с. 321–325]. Партийные пропагандисты реагировали на них как на мемуары «недобитых фашистских генералов» – подробно пересказывали в «Ленинградской правде» и обвиняли в очернении подвига блокадников [Щелоков, 1970]. Скандальность – обратная сторона сакральности, и для укрепления официальной памяти не было ничего действеннее, чем алармистский дискурс «искажения истории» и «памяти под угрозой».

Власти тем не менее пытались формировать «международную» память блокады и в позитивном ключе. В 1970-е гг. заседания Общества советско-германской дружбы и «Поезда дружбы» ГДР–Ленинград редко проходили без обсуждений блокады и концлагерей в духе императива «Никогда больше» [Кулагин, 1978, с. 303–309]. Для ленинградских властей память о блокаде была частью городского престижа и инструментом укрепления связей: в РГАКФФД хранятся десятки кинороликов 1960–1980-е гг., на которых главы иностранных государств возлагают венки к монументу «Мать-Родина» на Пискаревском кладбище – от Ричарда Никсона и шведского короля до президентов Танзании и Зимбабве [РГАКФФД, к/ф № 32007, 24135, 25121, 32196]. В 1970-е гг. эти «международные» отсылки носили и повторяющийся, и эпизодический характер: в десятисерийном фильме «Неизвестная война» (1978), снятом для показа в Великобритании, США и СССР и посвященном сотрудничеству союзных держав, блокаде была посвящена отдельная серия.

Транслокальность «международной» памяти наиболее ярко проявлялась тогда, когда блокада сравнивалась с другими катастрофами – Холокостом и Хиросимой. Это происходило за счет сравнения символов детей – жертв войны. Еще в 1959 г. режиссер «Разгрома немецких войск под Москвой» (1942) И. Копалин сравнивал дневник Тани Савичевой с дневником Анны Франк [ЦГАЛИ СПб., ф. Р-562, оп. 1, д. 92, л. 17–20], а к концу 1980-х гг. Таня привычно упоминалась в одном контексте

с Франк и Садако Сасаки как «символ борьбы юных против ужасов войн» [Алексин, 1988]. В 1980-е гг. блокада сравнивалась с Хиросимой: в стихотворении «Два снимка» С. Давыдов писал, что Хиросима — это «мгновенная блокада», а блокада Ленинграда — «тот же взрыв», только «многодневный» [Молдавский, 1989, с. 65]. Такой дискурс транснациональной скорби показывал готовность советской памяти к диалогу о военных страданиях: блокада как предмет сравнения становилась предчувствием глобальной памяти о катастрофах XX в.

Анализ памяти требует и более неочевидных примеров. Ее транслокальность проявляется и в заимствовании приемов, реакции на произведения о войне, созданные в других странах. «Блокада» и «Освобождение» как реакция на американские фильмы середины 1960-х гг. («Самый длинный день», «Битва при Арденнах»); заимствование эстетики европейских фильмов (Ф. Феллини, И. Бергман, А. Рене) в кино о блокаде 1960–1970-х гг. («Дневные звезды» И. Таланкина, «Всегда со мною...» С. Шустера); «Блокадная книга» как продолжение поисков белорусской документальной прозы (никто так не повлиял на память о блокаде, как А. Адамович, автор книг «Хатынская повесть» и «Я из огненной деревни...») — это лишь некоторые примеры такого транснационального культурного трансфера.

В заключение следует отметить: анализ транслокальности позволяет более гибко определять, какие акторы и институты, нарративы и символы работают на то, чтобы одна локальная память связывалась с другой, циркулировала поверх границ и сообществ. Как я пытался показать в этой работе, память о блокаде уже в 1960–1980-е гг. имела транслокальный характер, свой «большой радиус». Последствия эвакуации, отразившиеся на «институциональной», индивидуальной, социальной памяти в Ленинграде и регионах; транслокальность культурного производства; претензии «ленинградоцентричной памяти» о войне на универсальный характер и блокада как общесоветское пространство эмпатии; наконец, «международная память» и сравнение с другими катастрофами XX в. — эти примеры показывают, что память о блокаде не всегда была памятью внутри Ленинграда, а ее носители и проводники стремились утвердить ее всеобщий характер за пределами города.

Память о блокаде — яркий пример транслокальной памяти о войне, но этот пример не уникален. Более глубокое исследование наверняка приведет к гипотезе о том, что советский проект памяти о Великой Отечественной войне, несущий политический, моральный и экзистенциальный смысл, мыслился как транслокальный проект переплетенных памятей, создававшихся, циркулировавших и воспринимавшихся советскими гражданами, но необязательно в одном месте. Эта «большая транслокальность» памяти о войне может стать предметом исследования ученых на многие годы. Однако прежде, чем это случится, исследователи культурной памяти о Сталинградской битве, обороне Севастополя и Брестской крепости, битве за Москву и освобождение Европы должны посмотреть на коммеморацию этих событий как на результат сложной транслокальности: хочется верить, что подход, представленный в этой статье, поможет в таком начинании.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев А. В едином строю // *Искусство кино*. 1981. № 8. С. 12–18.
- Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. СПб.: Азбука, 2020. 672 с.
- Алексин А. Энергию добра – детству // *Литературная газета*. 20 января 1988. С. 6.
- Архив киноконцерна «Мосфильм» (АКМ). Ф. 2453. Оп. 8. Д. 116.
- Варшавский С., Рест Б. Подвиг Эрмитажа. Л.: Советский художник, 1965. 190 с.
- Воронина Т. Помнить по-нашему: соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 272 с.
- «Вы, наверное, из Ленинграда?»: дневники эвакуированных из блокадного города. Сост. А.Ф. Павловский, науч. ред. Н.А. Ломагин. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2023 (в печати).
- Ганценмюллер Й. «Второстепенный театр военных действий» культуры памяти. Блокада Ленинграда в немецком сознании // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2. С. 298–306.
- Гаргянц М. Боль остается. 2022. URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/bol-ostaetsja/> (дата обращения – 2 мая 2023 г.).
- «Историки не должны спорить с небылицами». 2019. URL: <https://sanktpeterburg.bezformata.com/listnews/istoriki-ne-dolzhni-sporit-s-nebilitcami/43075271/> (дата обращения – 1 мая 2023 г.).
- Каспэ И. В союзе с утопией: смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 431 с.
- Кулагин Г. Дневник и память. Л.: Лениздат, 1978. 317 с.
- Ломагин Н.А. Дискуссии о сталинизме и настроениях населения в период блокады Ленинграда: историография проблемы // *Память о блокаде*. Под ред. М. Лоскутовой. М.: Новое издательство, 2006. С. 296–333.
- Молдавский Д. Снег и Время: записки литератора. Л.: Советский писатель, 1989. 390 с.
- Павловская А.Ю. «Малый радиус» блокады Ленинграда: множественные локальности и гетеротопия памяти в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина // *Новое прошлое*. 2023а. № 2. С. 202–212.
- Павловская А.Ю. Политика памяти в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: акторы, практики, нарративы // *Политика памяти в России – региональное измерение*. Под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2023б. С. 101–136.
- Павловский А.И. Стих и сердце: Очерк творчества О. Берггольц. Л.: Лениздат, 1962. 94 с.
- Павловский А.Ф. В поисках глобальной памяти: куда ведет транснациональный поворот в memory studies? // *Полития*. 2023. № 2. С. 166–194.
- Павловский А.Ф. Культурная травма и современная историография: «вторая волна» исследований памяти о блокаде Ленинграда (2016–2021) // *Историческая экспертиза*. 2022. № 1. С. 26–49.

Павловский А. Ф. Рецепция фильма «Блокада» Михаила Ершова: ленинградоцентричная память о войне в советском кинематографе 1970-х // *Неприкосновенный запас*. 2019. № 6. 2019. С. 32–48.

Побратимы. Отв. ред. Ю.З. Кантор. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 951 с.

Политика памяти в России – региональное измерение. Под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2023. 471 с.

Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФФД). К/ф № 24135. РГАКФФД. К/ф № 25121.

РГАКФФД. К/ф № 32007.

РГАКФФД. К/ф № 32196.

Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 3. Д. 459.

РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 4. Д. 241.

Фомин В. Кино и власть. Советское кино: 1965–1985 годы. М.: Материк, 1996. 370 с.

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-24. Оп. 245. Д. 86.

Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-257. Оп. 24. Д. 332.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-257. Оп. 24. Д. 781.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-257. Оп. 24. Д. 1017.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-257. Оп. 37. Д. 34.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-562. Оп. 1. Д. 92.

Чулаки М. Вечный хлеб. Л.: Советский писатель, 1984. 560 с.

Штейн А. Спасенное поколение // *Искусство кино*. 1958. № 11. С. 43–91.

Щелоков А. Кривое зеркало мистера Солсбери. Факты против фальсификаторов // *Красная звезда*. 22 января 1970.

Ярославская региональная общественная организация «Жители блокадного Ленинграда». URL: <https://goo-gl.me/Ke5hF> (дата обращения – 24 апреля 2023 г.).

Kirschenbaum L. *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments*. New York: Cambridge University Press, 2006. 326 p.

Rothberg M. Locating Transnational Memory // *European Review*. 2014. Vol. 22. No. 4. Pp. 652–656.

Tali M., Astahovska I. The Return of Suppressed Memories in Eastern Europe: Locality and Unsilencing Difficult Histories // *Memory Studies*. 2022. Vol. 15. No. 3. Pp. 511–522.

Wachter A. *The Last Heroes of Leningrad: Coping strategies of Siege survivors in Soviet and post-Soviet society*. Vienna: Vienna University Press, 2022. 282 p.

REFERENCES

- Abdullaev A. V edinom stroyu [In unison], in *Iskusstvo kino*. 1981. No. 8. Pp. 12–18 (in Russian). *Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга*. СПб: Азбука, 2020. 672 с.
- Adamovich A., Granin D. *Blokadnaya kniga* [The Blockade Book]. St. Petersburg: Azbooka, 2020. 672 p. (in Russian).
- Aleksin A. Energiyu dobra – detstvu [Energy of kindness for childhood], in *Literaturnaya gazeta*. 20 January 1988. P. 6 (in Russian).
- Archive of Mosfilm Cinema Concern (AKM). F. 2453. Inv. 8. D. 116.
- “Vy, navernoe, iz Leningrada?»: dnevniki evakuirovannykh iz blokadnogo goroda [“You are probably from Leningrad?»: diaries of evacuees from the besieged city]. Eds. A. Pavlovskii, N. Lomagin. St. Petersburg: EUSP Press, 2023 (in Russian) (in print).
- Varshavskii S., Rest B. *Podvig Ermitazha* [The feat of the Hermitage]. Leningrad: Sovetskij hudozhnik, 1965. 190 p. (in Russian).
- Voronina T. *Pomnit’ po-nashemu: sorealisticheskij istorizm i blokada Leningrada* [Remember our way: Socialist Realist Historicism and the Siege of Leningrad]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 272 p. (in Russian).
- Gancenmyuller J. “Vtorostepennyj teatr voennyh dejstvii” kul’tury pamyati. Blokada Leningrada v nemeckom soznanii [“Secondary Theater of War” of the culture of memory. The Siege of Leningrad in the German consciousness], in *Neprikosnovennyj zapas*. 2005. No. 2. Pp. 298–306 (in Russian).
- Gargyants M. *Bol’ ostaetsya* [The pain remains]. 2022. Available at: <https://ru.mdz-moskau.eu/bol-ostaetsja/> (accessed 2 May 2023).
- “Istoriki ne dolzhny sporit’ s nebylicami” [“Historians should not argue with fables”]. 2019. Available at: <https://sanktpeterburg.bezformata.com/listnews/istoriki-ne-dolzhni-sporit-s-nebilitcami/43075271> (accessed 1 May 2023).
- Kaspe I. *V soyuze s utopiej: smyslovyje rubezhi pozdnesovetskoj kul’tury* [In alliance with utopia: meaningful frontiers of late Soviet culture] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 431 p. (in Russian).
- Kulagin G. *Dnevnik i pamyat’* [Diary and Memory]. Leningrad: Lenizdat, 1978. 317 p. (in Russian).
- Lomagin N.A. Diskussii o stalinizme i nastroeniyah naseleniya v period blokady Leningrada: istoriografiya problemy [Discussions of Stalinism and public sentiments during the Leningrad blockade: the historiography of the problem], in *Pamyat’ o blockade* [Memory of the Siege]. Ed. by M. Loskutova. Moscow: Novoe izdatel’stvo, 2006. Pp. 296–333 (in Russian).
- Moldavskii D. *Sneg i Vremya: zapiski literatora* [Snow and Time: Notes of a Writer]. Leningrad: Sovetskij pisatel’, 1989. 390 p. (in Russian).
- Pavlovskaja A.Yu. “Inner Radius” of the Siege of Leningrad: Multiple Localities and Heterotopy of Memory in “The Siege Book” by A. Adamovich and D. Granin, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023a. No. 2. Pp. 202–212 (in Russian).

Pavlovskaya A.Y. Politika pamyati v Sankt-Peterburge i Leningradskoj oblasti: aktory, praktiki, narrativy [The Politics of Memory in St. Petersburg and the Leningrad Region: Actors, Practices, and Narratives], in *Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie: monografiya* [The Politics of Memory in Russia – the Regional Dimension: A Monograph]. Eds. A.I. Miller, O.Y. Malinova, D.V. Efremenko. Moscow: INION RAN, 2023b. Pp. 101–136 (in Russian).

Pavlovskii A.I. *Stih i serdce: Ocherk tvorchestva O. Bergholz* [Poem and the Heart: An Essay on the Work of O. Bergholz]. Leningrad: Lenizdat, 1962. 94 p. (in Russian).

Pavlovskii A.F. *V poiskah global'noj pamyati: kuda vedet transnacional'nyj povorot v memory studies?* [In Search of Global Memory: Where Does the Transnational Turn in Memory Studies Lead?], in *Politia*. 2023. No. 2. Pp. 166–194 (in Russian).

Pavlovskii A.F. Kul'turnaya travma i sovremennaya istoriografiya: "vtoraya volna" issledovaniy pamyati o blokade Leningrada (2016–2021) [Cultural Trauma and Contemporary Historiography: The Second Wave of Research on the Memory of the Siege of Leningrad (2016–2021)], in *Istoricheskaya ekspertiza*. 2022. No. 1. Pp. 26–49 (in Russian).

Pavlovskii A.F. Recepciya fil'ma "Blokada" Mihaila Ershova: leningradocentrichnaya pamyat' o vojne v sovetskom kinematografe 1970-h [Reception of Mikhail Ershov's film Blockade: the Leningrad-centered memory of war in Soviet films of the 1970s], in *Ne-prikosnovennyj zapas*. 2019. No. 6. 2019. Pp. 32–48 (in Russian).

Pobratimyy [Twins]. Ed. by Y. Kantor. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2019. 951 p. (in Russian).

Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie [The Politics of Memory in Russia – the Regional Dimension]. Eds. A.I. Miller, O.Y. Malinova, D.V. Efremenko. Moscow: INION RAN, 2023. 471 p. (in Russian).

Russian State Archive of Film and Photo Documents (RGAKFFD). No. 24135.

RGAKFFD. No. 25121.

RGAKFFD. No. 32007.

RGAKFFD. No. 32196.

Russian State Archives of Literature and Arts (RGALI). F. 631. Inv. 3. D. 459.

RGALI. F. 2453. Inv. 4. D. 241.

Fomin V. *Kino i vlast'. Sovetskoe kino: 1965–1985 gody* [Cinema and Power. Soviet Cinema: 1965–1985] Moscow: Materik, 1996. 370 p. (in Russian).

Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). F. R-24. Inv. 245. D. 86.

Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). F. R-257. Inv. 24. D. 332.

TsGALI SPb. F. R-257. Inv. 24. D. 781.

TsGALI SPb. F. R-257. Inv. 24. D. 1017.

TsGALI SPb. F. R-257. Inv. 37. D. 34.

TsGALI SPb. F. R-562. Inv. 1. D. 92.

Chulaki M. *Vechnyj hleb* [Eternal Bread]. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1984. 560 p. (in Russian).

Shtejn A. Spasennoe pokolenie [Saved Generation], in *Iskusstvo kino*. 1958. No. 11. Pp. 43–91 (in Russian).

Shchelokov A. Krivoe zerkalo mistera Solsberi. Fakty protiv fal'sifikatorov [Crooked mirror of Mr. Salisbury. Facts against falsifiers], in *Krasnaya zvezda*. January 22, 1970. (in Russian).

Yaroslavskaya regional'naya obshchestvennaya organizaciya "Zhiteli blokadnogo Leningrada" [Yaroslavl Regional Public Organization "Residents of besieged Leningrad"]. Available at: <https://goo-gl.me/Ke5hF> (accessed 24 April 2023).

Kirschenbaum L. *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments*. New York: Cambridge University Press, 2006. 326 p.

Rothberg M. Locating Transnational Memory, in *European Review*. 2014. Vol. 22. No. 4. Pp. 652–656.

Tali M., Astahovska I. The Return of Suppressed Memories in Eastern Europe: Locality and Unsilencing Difficult Histories, in *Memory Studies*. 2022. Vol. 15. No. 3. Pp. 511–522.

Wachter A. *The Last Heroes of Leningrad: Coping strategies of Siege survivors in Soviet and post-Soviet society*. Vienna: Vienna University Press, 2022. 282 p.

Статья принята к публикации 28.05.2023